

ВСЕТИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Екатерина ГЛАГОЛЕВА

ОГОНЬ ПОД ПЕПЛОМ

Всемирная история в романах

Екатерина Глаголева

Огонь под пеплом

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(4)

Глаголева Е. В.

Огонь под пеплом / Е. В. Глаголева — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-3798-4

1809 год. Австрия снова разбита, Наполеон торжествует, но военное счастье переменчиво, император смертен – кто продолжит его дело, укрепит его трон, дарует Франции стабильность? Бонапарту нужен наследник. Родив ему сына, полька Мария Валевская доказала, что он не бесплоден. Судьба Жозефины предрешена, но кто станет новой императрицей – русская великая княжна или австрийская принцесса? Свадьба с одной из них неминуемо означает войну с отечеством другой. Пока императоры Наполеон и Александр уверяют друг друга в дружбе, нимало не заблуждаясь насчет взаимных чувств, флигель-адъютант Чернышев собирает сведения о французской армии и войсках союзников, а шведы, австрийцы и поляки решают для себя, чью сторону принять, когда война всё-таки разразится. Книга является продолжением романа «Битвы орлов», ранее опубликованного в этой же серии.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(4)

ISBN 978-5-4484-3798-4

© Глаголева Е. В., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Об авторе	6
1	7
2	12
3	14
4	19
5	21
6	23
7	28
8	31
9	35
10	41
11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Глаголева

Огонь под пеплом

© Глаголева, Е., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

Екатерина Глаголева

Об авторе

Дипломированный переводчик Екатерина Владимировна Глаголева (р. в 1971 г.) начала свой литературный путь в 1993 году с перевода французских романов Александра Дюма, Эрве Базена, Франсуа Нурирье, Фелисьена Марсо, Кристины де Ривуар, а также других авторов, претендующих на звание современных классиков. На сегодняшний день на ее счету более 50 переводных книг (в том числе под фамилией Колодочкина) – художественных произведений, исторических исследований. Переводческую деятельность она сочетала с преподаванием в вузе и работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1997 году. Перейдя в 2000 году на работу в агентство ИТАР-ТАСС, дважды выезжала в длительные командировки во Францию, используя их, чтобы собрать материал для своих будущих произведений. В тот же период публиковалась в журналах «Эхо планеты», «History Illustrated», «Дилетант», «Весь мир» и других. В 2007 году в издательстве «Вече» вышел первый исторический роман автора – «Дьявол против кардинала» об эпохе Людовика XIII и кардинала Ришелье. За ним последовали публикации в издательстве «Молодая гвардия»: пять книг в серии «Повседневная жизнь» и семь биографий в серии «ЖЗЛ». Книга «Андрей Каприн» в серии «ЖЗЛ: биография продолжается» (изданная под фамилией Колодочкина) получила в 2020 году диплом премии «Александр Невский».

Краткая библиография:

Дьявол против кардинала (роман). Серия «Исторические приключения». М.: Вече, 2007, переиздан в 2020 г.

Повседневная жизнь во Франции во времена Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007.

Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М.: Молодая гвардия, 2008.

Повседневная жизнь пиратов и корсаров Атлантики от Фрэнсиса Дрейка до Генри Морган. М.: Молодая гвардия, 2010.

Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012.

Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.

Вашингтон. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

Людовик XIII. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.

Дюк де Ришелье. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Луи Рено. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Ротшильды. ЖЗЛ и вне серии: Ротшильды: формула успеха. М.: Молодая гвардия, 2017 и 2018.

Рокфеллеры. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2019.

Путь Долгоруковых (роман). Серия «Россия державная». М.: Вече, 2019.

Аль Капоне. Порядок вне закона. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2020.

Польский бунт (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Лишённые родины (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Любовь Лафайета (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

1

– *Sauve qui peut!*¹

К лагерю во все лопатки бежали солдаты – без оружия, без мундиров, не оглядываясь и не разбирая дороги; скатившись по склону холма, они прыгали через бивачные костры, опрокинув несколько котлов и сломав пару шалашей... «Что случилось? Неприятель?» – спрашивали все друг друга; никто не знал. Запела труба, затрещали барабаны; кавалеристы садились на конь, пехота выхватывала ружья из козел и бежала строиться в каре; самые малодушные торопливо навьючивали лошадей и мулов.

Генерал Дюрок, только что смеявшийся чьей-то шутке, вскочил на ноги, выплеснув вино из своего бокала; Чернышев последовал его примеру. Из палатки вышел император – полуподетый, без шляпы, в одних носках (мамлюк Рустам растирал его массажной щеткой от ревматизма).

– В чём дело? – строго спросил он адъютанта, подскакавшего во весь опор.

– Не могу сказать точно, сир, но никакой опасности не видно...

Серые глаза Наполеона стали стальными.

– Сир, ничего страшного! – Подбежавший штабной офицер отсалютовал и вытянулся в струнку. – Просто какие-то трусы...

– Что значит «ничего страшного»? – Гнев императора прорвался наружу. – На войне не бывает незначительных происшествий! Нет ничего хуже для армии, чем беззаботность. Возвращайтесь туда, разузнайте всё как следует и доложите.

– Слушаюсь!

Оба офицера отправились обратно; Наполеону подвели коня, он взобрался верхом в чём был – без сапог.

Был тихий предзакатный час, гром сражения отгремел еще в три часа пополудни. Император успел даже немного вздремнуть на коврике в тени барабанов, сложенных в пирамиду, допросить пленного австрийского полковника и, убедившись, что неприятель повсюду отступает, поужинать в своей палатке вместе с маршалом Бертье и министром Шампаньи. Штабные офицеры, генерал Дюрок и русский посланец Чернышев трапезничали за скатертью, расстеленной рядом с его шатром: Бонапарт любил слышать в походе звуки веселого застолья. Ординарцев послали раздобыть где-нибудь бумаги, чтобы написать письма домой; весточке, отправленной с поля сражения, поверят больше, чем бюллетеню о победе, напечатанному в «Универсальном вестнике». Победа, впрочем, казалась бесспорной, хотя нынешний день, шестое июля, выдался особенно жарким – во всех отношениях.

Адерклаа еще горел, Чернышеву были видны клубы черного дыма на фоне идиллически розовых облачков. Австрийцы заняли этот поселок на рассвете, не без удивления убедившись, что Бернадот не будет его защищать. Решение маршала отвести ночью своих изрядно потрепанных саксонцев в безопасное место стало сюрпризом и для Наполеона, но только не таким приятным; когда Бернадот, спохватившись, начал обстреливать Адерклаа из пушек, австрийцы разбили половину его батареи своей тяжелой артиллерией. Массена, накануне повредивший ногу и страдавший от боли, подоспел только в половине восьмого утра и не мог поправить дела. Демонстрируя невозмутимость, Бонапарт сел в его белый фаэтон, запряженный четверкой белых лошадей и хорошо заметный издали, коротко переговорил с ним и приказал идти к Эсслингу, взяв с собой дивизию кирасиров для прикрытия с фланга, а свою позицию оставить Макдональду. Адерклаа вернули за два часа, с большими потерями; несчастные саксонцы оказались меж двух огней: немецкая речь, белая униформа – французы и итальянцы стреляли

¹ Спасайся, кто может! (франц.)

по ним, принимая за австрийцев. Бернадот, пытавшийся собрать свои разбежавшиеся войска, попал под горячую руку Бонапарту, который объявил его болтуном, наделавшим глупостей. Зато Даву (который, кстати, на ножах с Массена) ничем не поплатился за неисполнение приказа преследовать австрийцев после удачно отбитой атаки. Победителей не судят: жалея кровь своих солдат, Даву сначала обрушил на корпус Розенберга мощный артиллерийский огонь, а уж затем его пехота овладела укрепленными высотами, прорвалась к Ваграму и захватила его с помощью гренадеров Удино...

Суматоха в лагере не унималась. Чернышев вызвался поехать на разведку; Наполеон милостиво кивнул.

На полпути к Дунаю Саше встретился инженерный полковник Лежён, который тоже ничего не понимал: у моста сущее столпотворение, обоз с провиантом и военным снаряжением пустился галопом, повсюду валяются опрокинутые фуры, и даже на той стороне Дуная фуры, которым уж совершенно точно ничто не угрожает, опрометью мчатся к стенам Вены. В лагере-то что слышно? Хм... Что ж, для императора лодка найдется.

Чернышев поворотил коня. Разум подсказывал ему, что тревога ложная, но как, однако, все перепугались! Даже позёр Бонапарт не скрыл своей тревоги. Еще бы: сегодня утром у него на глазах маршал Бесьер грянулся оземь, выбитый из седла ядром, – и это через два месяца после гибели маршала Ланна! К счастью, Бесьер остался жив, зато генералу Лассалю, мчавшемуся далеко впереди своих гусар за отступавшими венгерскими гренадерами, картечью вышибло мозги. Под генералом Удино убило лошадь, сам он был дважды ранен, но после перевязки повел своих людей в атаку. Да что там, пуля рассекла сапог самого Бонапарта, порвав чулок и оцарапав левую ногу. Наполеон мнителен, он наверняка увидел в этом дурной знак, ведь он так гордится тем, что, если не считать давней тулонской раны, не получил ни одной царапины за полтора десятка лет нескончаемых боев!.. Кстати, Лассаль предчувствовал свою смерть: накануне сражения он раскрыл свой походный сундук, а трубка оказалась сломана, фляга с вином из его собственных погребов разбита, и стекло на портрете жены тоже треснуло. Тогда-то он и сказал своему адъютанту, что не переживет завтрашнего дня, и написал прощальное письмо жене. Впрочем, Лассаль сам говорил, что гусар, не погибший в тридцать лет, – фетюк, а не гусар, а ему было тридцать четыре...

Сгоревшие поля дымились. Массена отправил свои полки через хлеба, чтобы высокие колосья скрыли их передвижение, но австрияки подожгли рожь брандскугелями. Чернышев содрогнулся, вспомнив крики раненых, сгоравших заживо... Зато от ровной земли, мокрой после вчерашнего ливня, ядра, выпущенные с близкого расстояния, отскакивали, как мячики, и порой выбивали из плотных рядов австрийской пехоты по два десятка человек разом. Но и потери французов были велики; артиллерийские расчеты пришлось спешно пополнять добровольцами из гвардейской пехоты, кавалерия героически жертвовала собой, защищая пехотные колонны; если бы не атака кирасиров Нансути, Массена угодил бы в плен. Когда его сын-адъютант прискакал с просьбой прислать подкрепление, Бонапарт нарочито вывернул карман: «Скажите маршалу, что у меня нет войск в кармане». Между прочим, за весь сегодняшний день не было захвачено ни одного неприятельского орудия и взято очень мало пленных; Наполеон был этим недоволен.

Когда Чернышев вернулся в ставку, волнение уже улеглось, император был в своей палатке, а офицеры, только что бегавшие, как угорелые, изнемогали от хохота, рассказывая друг другу о разных забавных происшествиях. Один батальонный командир, забравшись в фуру, чтобы выдать своим солдатам особые пайки к ужину, не слышал криков от поднявшегося переполоха и не был готов к тому, что возница хлестнет лошадей и пустит их галопом; он упал головой в сундук и чуть не задохнулся там, когда крышка захлопнулась. Ну и рожа была у него, когда его оттуда вытащили!.. Да, таковы французы: они смогут обойтись без еды, но не без анекдотов. Всё наконец-то разъяснилось: в поселке, где французские мародеры запасались

соломой, неожиданно появился отряд австрийской конницы в полсотни человек, отрезанный от главных сил и пытавшийся пробиться в Пресбург. Несколько ударов фухтелями обратили шакалов в зайцев, громко верещавших на бегу...

Наполеон вышел из палатки в шляпе, синем рединготе и сапогах, благоухая одеколоном; Чернышев сел верхом и вместе с императорской свитой поехал в Вену.

Штабс-ротмистр конногвардейского полка считался представителем русского царя при императоре французов; Бонапарт отличал его, хотя двадцатитрехлетний Чернышев был моложе годами и чином, чем русские офицеры-волонтеры, например, полковники Горголи и Витт. Когда он нагнал французскую армию в Санкт-Пёльтене в начале нынешней кампании, в бюллетене напечатали, что «к Его Величеству прибыл адъютант российского Императора, полковник граф Чернышев». Саша был этим смущен и считал своим долгом объявить Дюроку об ошибке: он не полковник и не граф, даже приказ о назначении его флигель-адъютантом еще не подписан. Наполеон с улыбкой возразил на это, что император Александр не преминет исправить его оплошность. Чернышев чувствовал, что нравится Бонапарту: у Наполеона была слабость к внешнему блеску, он любил красивых, стройных, щеголеватых офицеров, в которых сквозила порода, особенно если они к тому же были храбры, образованны и обладали какими-нибудь талантами – как Лежён, например, в часы досуга писавший картины на военные сюжеты.

Талантом Чернышева было сходиться с людьми, слушать и понимать их. Аббат Перрен, его домашний наставник, обучил его искусству непринужденной беседы, привив при этом стремление проникать в суть вещей; кровь отца – заслуженного генерала и сенатора, скончавшегося от ран, – заговорила в Саше, когда он двадцатилетним кавалергардским поручиком заслужил себе при Аустерлице орден Св. Владимира с бантом, присовокупив к нему затем золотую шпагу «За храбрость» и Георгиевский крест. Наконец, Фортуна сделалась его верной спутницей еще с отроческих лет. Первая встреча Саша с императором Александром была почти случайной – в Москве, на балу у князя Куракина по случаю коронации: они оказались рядом, когда танцевали котильон, и за час танцев пятнадцатилетний Чернышев назвал двадцатичетырехлетнему государю имена всех особ, присутствовавших в зале, ответив на все его вопросы. После несчастного сражения под Аустерлицем государь отправил поручика Чернышева на ночь глядя отыскать Кутузова (все его адъютанты были разосланы по другим делам), и Саша, оказавшись на распутье, угадал из трех дорог ту, что через две версты привела его к фельдмаршалу. Впервые приехав в Париж с письмом к русскому послу графу Толстому, в которое было вложено послание Александра к Наполеону, Чернышев был приглашен в Тюильри на следующий же день после прибытия, а не вместе с другими иностранцами – в особый приемный день, раз в две недели. Император французов заговорил с ним о Прусской кампании, и Саша осмелел до того, что позволил себе вступить с ним в спор о военном деле, чем поверг Толстого в совершенное изумление, однако Наполеон ничуть не рассердился, а напротив, просил Александра в ответном письме снова прислать к нему Чернышева. В Байонне, где Бонапарт дожидая испанского короля Карла IV и инфанта дона Фернандо, провозгласившего себя королем Фердинандом VII, чтобы объявить им, что отдаст испанский трон своему брату Жозефу, Чернышев удостоился чести обедать за одним столом с императором – и делить квартиру с генералом Савари, который должен был помешать ему шпионить. И всё же за время краткой остановки в Бордо на обратном пути штабс-ротмистр сумел выведать настоящее положение дел в Испании, узнав и о переброске туда французских войск, и о готовящемся восстании патриотов, и о недовольстве бордосцев континентальной блокадой Англии. Наконец, ему удалось ловко выкрутиться пару месяцев назад, когда Наполеон велел ему написать письмо к государю об Аспернском сражении, окончившемся для французов не самым лучшим образом. Министр иностранных дел маячил у него за спиной; Чернышев накатал восемь страниц по-французски, начав с того, что почитает себя счастливейшим из военных, пользуясь ежедневно наставлени-

ями величайшего полководца, изобразив само сражение и описав подробности уничтожения мостов через Дунай, закончил же он так: «Если бы в то время австрийцами командовал император Наполеон, то совершенная гибель французов была бы неизбежна». Это письмо понравилось Бонапарту, а фраза, которую Чернышев привез ему из Вены («лучший генерал в австрийской армии есть генерал Дунай»), так его развеселила, что он велел вставить ее в бюллетень. Теперь же хитрить уже не придется: при Ваграме была одержана убедительная победа, и скоро Саша вернется в Петербург, чтобы доложить о ней государю.

Он обдумывал то, что расскажет при личной встрече, а не на бумаге. В последние недели Чернышев выезжал с Наполеоном на рекогносцировки, осматривал вместе с ним инженерные работы на Дунае, а во время самого сражения, продлившегося два дня, не отходил от него ни на шаг. Как умный человек (а в уме Бонапарту не откажешь) Наполеон любил иметь рядом собеседника, способного высказать свое мнение и даже оспорить его собственные суждения – разумеется, если замечания были дельные. Это и вправду стало хорошей школой для штабс-ротмистра, он начал постигать тактические приемы императора французов, приводившие его к победе. Так, Наполеон всегда стягивал для атаки большие массы войск, когда пехота прикрывала кавалерию и наоборот, а артиллерия могла оказать поддержку им обеим. Именно благодаря превосходной концентрации стрельбы при перекрестном огне французская артиллерия выиграла дуэль с австрийской. Кроме того, Наполеон мог менять свои распоряжения в зависимости от хода сражения, отнюдь не придерживаясь заранее намеченного плана, и перебрасывать войска туда, где они были нужнее всего. Наконец, солдаты так хорошо выучены, что даже гибель или ошибка старшего офицера не вызовет катастрофы: опытные унтер-офицеры сами способны выполнять необходимые маневры, чтобы сохранить строй или отступить в полном порядке... Но всё это он изложит в особой записке военному министру. А государю он скажет вот что.

При всём своем уме Бонапарт начал отрываться от земли, поставив самого себя на пьедестал. Возможно, от фимиама, который ему курят ежедневно, у него закружилась голова. Уже сейчас он больше думает о том, каким останется в памяти потомков, чем о мнении современников. О нет, он не закрывает глаз на неприглядную действительность, однако не позволяет обнажать ее другим. Луи Лежён как-то вздумал повеселить его рисунком, сделанным с натуры. Отряд французских фуражиров забрел в немецкий поселок, где был пожар, и принялся помогать поселянам. Спасая имущество, из домов выбрасывали всё самое ценное: одежду, книги, мебель, бочонки с вином, окорока и прочую снедь, а когда огонь был потушен, спасители превратились в мародеров, объелись и перепились, нарядились в женские платья и облачения пасторов и в таком виде двинулись назад, прихватив с собой то, что могли унести, но не рассчитали свои силы. Лежен изобразил пьяный кортеж, покинувший поселок: дорога усеяна кочанами капусты, арбузами, тыквами, выпавшими из неловких рук; впереди несчастный крестьянин погоняет большую свинью, которую ему приказали доставить в лагерь; его плачущая дочь идет тут же, не в силах расстаться с выкормленным ею поросенком; окружившая ее пьяная солдатня в шутовских нарядах наверняка отпускает сальные шутки... Наполеон разгневался при виде этой сценки, отнюдь не находя ее смешной, и сказал полковнику, что тот не должен тратить свой талант на подобные сюжеты. Величие французской армии – вот что должна прославлять его кисть! Он искренне не понимает, почему его не встречают в Австрии как освободителя, а в Тироле не стихает народное восстание. Двадцать поселков вокруг Вены обращены в пепел, земля на полях недавних сражений усеяна лоскутами одежды, разбитыми кирасами, свежими могилами; завтра обыватели вновь отправятся туда толпой, чтобы отыскивать раненых австрийцев среди мертвых тел, разлагающихся под палящим солнцем. Урожай собрать не удалось – его пожрал огонь, да и для новой пашни эти нивы уже не пригодны; вместо крестьян по ним бродят солдаты, подбирая ружья, сабли, кирасы, ядра (за каждый принесенный предмет обещана награда). Венские госпитали переполнены ранеными – безрукими и безногими кале-

ками, которых теперь сотнями убивает тиф; нагие, обезображенные, они бьются в конвульсиях на полу... Бонапарт велит винить во всём этом австрийских генералов, вынудивших его прийти сюда, и клятвоступника императора Франца, не пожелавшего ему покориться. Отвратительную изнанку прикрывает блестящий фасад: театры открыты, рестораны всегда полны, по аллеям Шёнбруннского парка гуляет хорошо одетая публика, явившаяся поглазеть на военный парад и императора французов... Но даже венские великосветские дамы, принимающие в своих салонах французских офицеров, пытаются фрондировать. Один из офицеров, купивший платок с планом города и его пригородов, сказал, что это очень удобно: находясь на поле боя, можно сморкаться в Вену. Все засмеялись, однако хозяйка дома тотчас парировала: венцы ценят такие платки еще больше, потому что, сидя дома, можно плевать на Шёнбрунн. Эту шутку остереглись передать Наполеону...

Нет, не то, это всё пустяки. Вот что важно: Ваграм стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Наполеона, – он лишил Бернадота командования и отослал его.

Бернадоту многое сходило с рук, ведь он член семьи: уже лет десять как женат на Дезире Клари, бывшей невесте самого Бонапарта и младшей сестре Жюли, супруги Жозефа – испанского короля «Иосифа Наполеона». В шестом году Бернадот не пришел на помощь маршалу Даву, которому пришлось самому сражаться под Ауэрштедтом, в седьмом присоединился к армии только через двое суток после битвы при Эйлау, несмотря на приказ самого Бонапарта... Свойки ненавидят друг друга; Бернадот считает корсиканца расчетливым циником и лицемером, Бонапарт на дух не переносит заносчивого и болтливового гасконца, который сам не прочь примерить корону, хотя и называет себя республиканцем. Начальник штаба Бертье – тоже заклятый враг Бернадота; похоже, что именно ему гасконец должен быть «благодарен» за свою неудачу при Адерклаа: он с большой неохотой принял командование над корпусом из плохо обученных саксонцев, на чём настоял Наполеон, а в ходе самого сражения некоторые приказы императора попросту не доходили до маршала, потому что Бертье... забывал их передать. В отместку Бернадот издал приказ, в котором приписал победу при Ваграме исключительно мужеству и стойкости саксонцев; Бонапарт был разъярен – французы, вот кто вырвал победу!

Прежде сражения Чернышев несколько раз беседовал с князем де Понтекорво (таков был титул Бернадота) и пришел к выводу, что маршал просто не способен подчиняться кому бы то ни было, а император требует беспрекословного повиновения. Дух противоречия толкает Бернадота в объятия заговорщиков – не только военных, но и гражданских, за ним бы не мешало присмотреть, его разговорчивостью надо воспользоваться...

Кстати, со своими братьями Наполеон тоже плохо ладит в последнее время. Скорее всего, он откажется от мысли сделать своим наследником племянника. Он одержим идеей о династии Бонапартов, однако императрица Жозефина не в состоянии родить ему детей, а это значит...

* * *

«Приезжайте в Вену, я хочу видеть вас и дать вам новые доказательства нежной дружбы, которую я к вам питаю. Не сомневайтесь в том, какую цену я придаю всему, что касается до Вас. Тысячу раз нежно целую Ваши красивые ручки и один раз – ваши прекрасные уста. Н.».

2

Борго, 9 июля 1809 года.

Любезный брат!

Вы укоряете меня за то, что я редко докучаю Вам своими письмами, но мне, право, совестно обременять почтовую службу и изводить бумагу, которую, кстати, не так-то легко раздобыть в последние дни, ради унылых подробностей нашей скучной жизни в глуши, тогда как Ваши письма мы зачитываем до дыр, ибо они составляют наше единственное развлечение.

Мы живем безвылазно в нашей усадьбе; Vater занимается утром с управляющим и проверяет книги, пока я обхожу службы и распоряжаюсь насчет обеда; перед обедом он выходит на прогулку, после отправляется отдохнуть на часок и затем до самого вечера сидит у себя в кабинете: пишет мемуары. В это время мне строго-настрого запрещено играть на клавикокордах, чтобы не мешать ему, поэтому я забросила музыку и пристрастилась к рисованию. Господин Рютенберг недавно похвалил мои акварели и рисунки полевых цветов, но я приписала его комплименты обычной любезности воспитанного человека; я прекрасно знаю, что не имею никаких талантов, но надо же чем-то спасать себя от скуки. Иногда Vater зовет меня к себе и зачитывает несколько страниц, которые я должна выслушивать в почтительном молчании, воздерживаясь от замечаний любого рода. Вечером, после ужина, если господин Мольтке почему-либо не в состоянии составить ему компанию, мы играем пару партий в шахматы или я читаю вслух из книги, которую укажет Vater. Поскольку его библиотека состоит в основном из военных трактатов и жизнеописаний великих людей, мне стоит большого труда воздерживаться от зевоты во время этого чтения, и это приводит его в раздражение. Ах, как мы были бы счастливы, если бы Вы смогли приехать к нам хотя бы на месяц! Больше Вы вряд ли выдержите, потому что мы надоедим Вам до смерти, ревниво вырывая Вас друг у друга, ненасытно наслаждаясь Вашим обществом и Вашими рассказами.

Наконец-то и у меня есть что рассказать Вам: третьего дня в Борго закрылся сейм, об открытии которого, верно, знали только вы один во всей Вестерботнии, и тоже благодаря мне. Vater нарочно не ездил в город, пока русский царь находился в Финляндии, и лишь вчера позволил мне поехать, чтобы сделать несколько визитов и купить кое-что из нужных вещей. Мёллерсверды принимали царя у себя; они готовились к этому несколько недель, но Vater запретил мне интересоваться приготовлениями и даже упоминать о них в разговоре; о том, чтобы поехать к ним на бал, не могло быть и речи, хотя я и без его запрета ни за что бы не поехала. Господин П., который гостил у Мёллерсвердов, немедленно покинул их, как только узнал, что они затевают; он явился к нам среди ночи, кипит от гнева, и Vater долго не мог потом уснуть, так что пришлось ставить ему пиявок и класть укусовые компрессы на лоб. Мне претит передавать Вам досужие сплетни, но в городе все говорят лишь об одном: Мёллерсверды сильно рассчитывают на чары своей Ульрики, приглянувшейся императору, чтобы получить должность в новом правительстве. Не могу поручиться Вам за точность сведений, полученных из третьих рук, однако дыма без огня не бывает; если Вы встретите Карла М., спросите его сами, верно ли это. А впрочем, решайте сами. Вы знаете меня лучше меня самой и должны понимать мои чувства, среди которых господствует разочарование. Воистину, высокие идеалы стали недоступны для большинства людей, достойных лишь презрения! Как быстро они применяются к новым обстоятельствам! Казалось, еще вчера господин Мёллерсверд с гордостью читал нам письма Карла о стойкости наших солдат и о генерале Сандельсе, разделяющем с ними все лишения, готовым есть одну кашу на воде, лишь бы изгнать русских захватчиков из Финляндии, и сожалел о своей ране, помешавшей ему остаться в армии и защищать наше Отечество вместе с сыном, а ныне тот же самый человек выторговывает себе материальные выгоды в обмен на

добродетель своей дочери! Надеюсь, ей кто-нибудь объяснит, что этот товар можно пустить в ход лишь один раз – в отличие от порока, из которого делают разменную монету.

Ах, дорогой Густав! Если бы я могла макать перо в свою горечь, буквы были бы чернее! Взять хотя бы этот сейм, который открывали с такой торжественностью: можно ли выдумать что-то более нелепое и ничтожное? Вместо радения об интересах нации – постыдное искательство и корыстолюбие; только крестьянское сословие еще помнило о вещах действительно важных, ходатайствуя, например, о праве пользоваться по-прежнему шведским языком во всех официальных бумагах, прошениях и судебных делах. Дворяне же и даже духовенство наперобой стремились захватить себе как можно больше привилегий, доходных мест и разных выгод, обобрав при этом других. Только теперь у меня раскрылись глаза, я вижу, почему мы оказались в столь незавидном положении, иначе и быть не могло!

Увидав, что кнут уже не нужен, царь припрятал его на время и щедрой рукой раздает отравленные пряники: в Або учредили правительственный совет, в Петербурге – некую комиссию для непонятных целей, обещают уменьшение налогов и прочие послабления, финляндцам раздают огромные жалованья, привлекая на русскую службу. Законами и казной ныне управляют отрешенные от шведской службы майоры и полковники, сосланные в Тавастланд и Эстерботнию и извлеченные оттуда, чтобы сделаться чиновниками. Не стоит и говорить, что их заботит только собственный карман, да им и ума бы не хватило ни на что иное, зато в корыстолюбии им равных нет: состоя на службе при полном жалованье и столовых деньгах, они выпрашивают для своих жен пенсии на булавки, а самим себе – прогонные на заграничные поездки для поправления здоровья, подорванного беспробудным пьянством... Мне рассказывали, что один из них, прежде прозябавший в полунищете и питавшийся солеными лещами с кислым молоком, принялся закатывать роскошные пиры и объелся до смерти! Стыд, стыд, стыд! Меня удивляет, однако, снисходительность царя: он должен понимать, что за деньги возможно купить только пресмыкательство, но не таланты. Не кроется ли в этом некий умысел? Ах, я, кажется, понимаю: он ждет, что, пожив несколько времени под управлением таких «сынов Отечества», мы сами попросим его прислать нам дельных чиновников из России, и тогда с остатками национальной гордости и коренными законами будет покончено. О Густав, как бы мне хотелось оказаться дурной пророчицей!

Простите, любезный брат, если я доставила Вам новые огорчения. У Вас хватает своих забот, Вы ждете от нас ободрения и поддержки, а я вместо этого сею уныние. Вот видите, как мало проку от моих писем! Но, ради бога, не лишайте нас своих, мы ждем их с нетерпением, какое может сравниться лишь с нетерпением царя Итаки, завидевшего родные берега после десятилетних скитаний!

Надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии; мы ежедневно молимся вместе с Vater, прося Всевышнего сохранить Вас и уберечь от ран и болезней. Господи, сжался над Швецией! Мысленно прижимаю Вас к сердцу, милый Густав, и целую Вас так нежно, как позволительно только любящей сестре.

Шарлотта

PS: Агнета Р. Вам кланяется, просит не забывать ее и по возможности написать ей хоть несколько строк, вложив в письмо для нас. Она тоже молится о Вас.

3

В центре комнаты стоял бильярдный стол с потертым зеленым сукном, но ожидавшие аудиенции были не в настроении развлекать себя игрой. Игнаций Потоцкий сидел на стуле, закинув ногу на ногу, Тадеуш Матушевич разглядывал картину «Первое вручение ордена Св. Стефана», Миколай Брониковский смотрел в окно. В этот час западное крыло Шёнбруннского замка находилось в тени; приятная прохлада оведала лицо, взгляд бродил по геометрическим узорам клумб, птичий щебет заглушал тревожные мысли.

Две недели назад князя Юзефа Понятовского восторженно встречали в Кракове, оставленном австрийцами; Кельце тоже был в руках поляков, как и Сандомир, а вот Лемберг пришлось оставить, чтобы не расплыть свои силы. Весть о разгроме австрийцев при Ваграме воодушевила князя чрезвычайно; войска Домбровского и Сокольниковского соединились с корпусами Понятовского и Зайончека, чтобы взять армию эрцгерцога Карла в клещи и уничтожить, но тут прискакал курьер с сообщением о перемирии, подписанном в Цнайме двенадцатого июля. Мир сейчас, когда до победы оставался всего один шаг и Западная Галиция могла снова стать польской?.. Генерал Брониковский сам дрался при Ваграме и был поражен не меньше прочих внезапным прекращением войны. Конечно, он ничего не смыслит в большой политике, его дело – сражаться, а не критиковать действия императора, и всё же он был обескуражен. В Шёнбрунне шли парады и смотры; Удино, Мармона и Макдональда произвели в маршалы Империи, Наполеон раздавал генералам и чиновникам доходные поместья в Ганновере, Брониковскому же поручили сформировать Второй Вислинский легион из... австрийских пленных. Мыслимо ли, чтобы австрийцы пошли отвоевывать для Польши земли, которые сами у нее и отняли? Все знают, что войска Великого герцогства Варшавского сражаются вместе с французской армией, преследуя единственную цель – возрождение Отчизны. Сил мало, самые лучшие гибнут первыми; в начале кампании князю Понятовскому даже пришлось оставить Варшаву, чтобы сохранить армию, он смог освободить столицу лишь через сорок дней, и тогда дамы сняли траур, который носили всё это время... Приезд в Вену Потоцкого и Матушевича чрезвычайно обрадовал генерала: ему объявили, что он включен в депутацию от Галиции к императору французов; всё наконец-то разъяснится! Депутаты передали свои верительные грамоты Дюроку – «тени императора»; аудиенцию назначили на третье августа...

Напольные часы в углу пробили одиннадцать; белые с позолотой двери раскрылись.

Наполеон стоял, заложив правую руку за борт жилета; Дюрок сделал несколько шагов навстречу депутатам и шепотом предупредил Потоцкого, что император не желает слушать приготовленную им речь. В лице опытного политика не дрогнул ни один мускул, хотя Брониковский был уверен, что старик удивлен и встревожен. Гофмаршал представил посетителей, как полагалось по протоколу, все трое поклонились.

– Которой дорогой вы ехали сюда? – спросил император. – Долгим ли было путешествие? Что за правительство вас направило?

– Мы прибыли через Брюнн, из Галиции, – отвечал Потоцкий. – Новое правительство, учрежденное князем Понятовским, уполномочило нас сложить к подножию трона вашего величества свидетельства нашей покорности, умоляя при этом принять нас под ваше высокое покровительство.

Бонапарт переменил позу, сложив руки на груди.

– Я очень рад вашей верности; я вижу в ней доказательство вашего желания стать тем, чем вы были прежде. Я глубоко уважаю поляков, они все храбрецы, но чем выше возносится человек, тем больше ущемляется его свобода: надобно применяться к событиям и обстоятельствам. Чего вы хотите от меня?

Матушевич обменялся удивленным взглядом с Брониковским: неужели непонятно?

– Я не подбивал вас на восстание, не брал с вас никаких обязательств и сам вам ничего не обещал. – Своими фразами Наполеон кромсал прекрасные надежды. – В Варшаву я вступил победителем, тем полякам я мог и должен был помочь, но повернись дело иначе...

«Я бросил бы их на произвол судьбы», – договорил за него Брониковский. Ему стало жарко, во рту пересохло и сильно хотелось пить.

– Не стану отрицать: у Франции нет и никогда не было лучших союзников, чем Швеция, Персия, Польша и Турция, но Польша – это та статья, на которой обрываются все переговоры с Россией, – продолжал Бонапарт, поясняя свои слова жестами. – Россия прекрасно понимает, что уязвима только со стороны Польши; теперь, когда Швеция уступила ей Финляндию, с севера Петербург защищен. Не моя вина в том, что в седьмом году Швецией правил безумец: я вынужден был разделить свои силы и отправить двадцать тысяч штыков в Штральзунд, где эти одержимые хотели высадить десант вместе с англичанами. Если бы эти двадцать тысяч были у меня при Фридланде, я перешел бы Неман и восстановил бы Польшу, хотя Австрия и была способна помешать этим планам, держа в Галиции наготове сто тридцать тысяч солдат. Однако восстановление Польши не так невыгодно для Австрии, как для России. Будь я русским императором, я ни за что не согласился бы ни на малейшее увеличение Варшавского герцогства, наоборот, я сражался бы с ним год, два, десять – сколько потребуется, чтобы уничтожить его. При этом я не могу не признать, что Россия много помогла мне в эту кампанию.

– Помогла? – вырвалось одновременно у Потоцкого и Матушевича.

Корпус князя Голицына практически бездействовал и нарочно продвигался вперед очень медленно, из-за этого Сандомир пришлось отбивать у австрийцев дважды, а осада Кракова затянулась так надолго...

– Вы возразите мне, что они не сражались так, как вы. – Наполеон заложил руки за спину, сделал несколько шагов, потом резко повернулся к депутатам. – Да, но почему? Потому что они должны были соединиться с вами – с вами, их природным врагом. Будь на вашем месте французы, русские были бы уже здесь: им нет дела до того, что Австрия обескровлена, лишь бы Польша не приложила к этому руку. Увидев же, что вы сражаетесь одни, без французов, они прекрасно поняли, что вы стремитесь к приращению своих земель, а на это Россия не может смотреть спокойно. Но и Франция не может ввязаться в войну ради вас, ибо для этого ей придется послать к вам на помощь сто тысяч, даже сто пятьдесят тысяч солдат – десяти тысяч вам будет мало.

– Но ваше величество! – взмолился Потоцкий. Наполеон остановил его, выставив вперед ладонь.

– Я знаю, что восстановить Польшу – значит вернуть равновесие в Европу, но этого невозможно сделать без войны с Россией, – отчеканил он. – Россию же можно будет принудить к этому, лишь полностью уничтожив ее армию.

Депутаты сокрушенно молчали, не зная, что на это возразить. Император заговорил снова:

– Князь Понятовский допустил оплошность, овладев Галицией не от моего имени. Русские никогда не вторглись бы в земли, охраняемые моими орлами. Провозглашать везде имя саксонского короля² – значит навлечь на этого государя новую войну – не как с союзником Франции, а один на один, между ним и Россией.

Он сделал еще несколько шагов по комнате.

– Вот вы говорите, что Россия в эту кампанию не сделала ни единого выстрела. А мне какое дело? Общая цель достигнута: повсюду, куда дошли русские, австрийцы отступили, без русских князю Понятовскому было бы не удержаться в обеих Галициях – Западной и Восточ-

² Саксонский король Фридрих Август был также великим герцогом Варшавским.

ной. Разделив свои малые силы, он не преуспел бы нигде, объединив их, он оказался силен лишь в одном месте. Кстати, сколько жителей в Галиции?

Потоцкий переглянулся с Матушевичем.

– Я полагаю, свыше трех миллионов человек, ваше величество, хотя перепись населения давно не проводилась, – ответил он, и Матушевич согласно кивнул.

– Она не сможет выставить столько же войск, сколько Варшавское герцогство, – отрезал Наполеон. – Если вы поставите под ружье шестьдесят, даже семьдесят тысяч солдат, Франции всё равно придется держать наготове сто пятьдесят тысяч для их поддержки, чтобы Россия не вздумала напасть на вас. Вы должны понять, что в данный момент восстановление Польши невозможно. Я не могу ввязываться в войну, в которой у Франции не будет всех шансов на победу. Я не хочу воевать с Россией, тем более что она не вмешивается в мои дела в Испании, Португалии и Папской области.

– Вы сказали, сир, что французские орлы уберегли бы наши земли от вторжения русских, – подал голос Матушевич. – Мы здесь, чтобы просить вас о покровительстве, мы с благодарностью и покорностью...

– Вы хотите, чтобы я дал вам французского короля? – перебил его Бонапарт. – Дьявол, это значило бы развязать войну. Франции и думать об этом незачем. Объявить рекрутский набор на четыре года раньше срока, разорить Францию просто из удовольствия вести войну – я не могу на это пойти. Войну нельзя начинать, если не получишь от нее очевидных выгод. И потом, вы сами видели, как тяжело французам воевать в вашей стране: климат отвратительный, дорог нет, непролазная грязь, болезни, приличного вина не достать – французы не захотят сражаться на севере.

Потоцкий подбирал слова, но император не дал ему их высказать.

– Не скрою: я питаю особую любовь к вашей нации, – продолжил он снисходительным тоном. – В ваших светских гостиных я чувствую себя, словно в Париже, в вашем обхождении и ваших обычаях есть что-то французское. Но все личные чувства в политике ничего не значат. Согласитесь, что вашей нацией трудно управлять. Я дал вам в короли одного из мудрейших монархов Германии, и то еще находятся горячие головы, стремящиеся ему перечить, хотя им совершенно не в чем его упрекнуть.

С этим Брониковский не мог не согласиться.

– Предположим, что министры сумеют договориться и Россия согласится на раздел Галиции. В таком случае ей нельзя будет дать меньше, чем вам. Увеличение Варшавского герцогства придется русским не по нраву, они воспрепятствуют ему и захотят войны, а вы недостаточно сильны, чтобы противостоять России. Пруссия тоже потребует свой кусок пирога, Австрия непременно захочет сохранить хоть что-нибудь. Так что даже если вы соедините шестьдесят тысяч солдат из Галиции с войсками Варшавского герцогства и саксонцами, этого будет мало, чтобы противостоять русским. Как же я должен поступить, чтобы русские остались довольны? Сам еще не знаю.

Брониковский был ошеломлен. В последние дни император дважды удостоивал его аудиенции, и каждый раз он слышал от него прямо противоположные речи – миндальничать с Россией Бонапарт не собирался. Возможно, он хочет скрыть свои истинные намерения от Потоцкого и Матушевича, зная об их связи с домом Чарторыйских? Всем известно, что князь Адам Ежи Чарторыйский был близким другом императора Александра и стремился возродить Польшу под эгидой России; именно он настоял на заключении союза с Австрией и Англией, приведшего к войне. Неудача под Аустерлицем отрезвила царя; князь Адам лишился министерского поста, сохранив за собой лишь управление Виленским учебным округом, но как знать наверное... Возможно, император французов хочет, чтобы в Петербург дошли именно эти его слова.

– Сир, – снова заговорил Потоцкий, – в Варшаве вас встречали как освободителя, и я совершенно уверен, что точно такой же прием вам оказали бы в Кракове и Лемберге. Да, нас мало, но каждого из нас одушевляет любовь к Отчизне. Мужчины, женщины, молодежь и старики – мы все готовы пролить свою кровь до последней капли, лишь бы Польша вновь была единой!

Наполеон махнул рукой.

– Восторженность жителей Галиции вполне естественна. Армия, возглавляемая польским полководцем и состоящая из поляков, вступает в страну, некогда бывшую Польшей, – есть от чего вскружиться голове у нескольких юнцов, которые записываются в армию, чтобы сражаться за свое отечество. Но Франция здесь ни при чём, и я не чувствую себя обязанным делать для Галиции то же, что сделал для Варшавского герцогства.

– И всё же позвольте мне изложить наши доводы в особой записке и подать ее на рассмотрение вашего величества.

– Пишите ваши записки, составляйте прожекты, вреда от этого нет, – разрешил Наполеон. – Поскольку они выйдут не из моего кабинета, я к ним буду непричастен, но только не рассказывайте никому о том, что я вам сказал.

* * *

В лакированную столешницу была вделана шахматная доска с расставленными на ней фигурами из слоновой кости, перед которой сидел манекен в белом тюрбане, полосатой сорочке и отороченной мехом темно-красной накидке с короткими рукавами. Его деревянное лицо лоснилось в отсветах канделябра, серые глаза таращились в пустоту, вислые черные усы были из настоящего волоса, как и густые брови. В левую руку, согнутую в локте, вставлена курительная трубка с очень длинным тонким мундштуком, правая вытянулась рядом с шахматной доской.

– Как вы изволите видеть, сир, перед вами автомат для шахматной игры.

Подвижный немец лет тридцати семи, с прической а-ля Тит, в синем фраке с большим вырезом и белом галстуке, завязанном сложным тугим узлом, так что поднятые кверху края накрахмаленного воротничка на треть закрывали бакенбарды, сутился возле большого ящика, за которым сидел манекен. С ужимками ярмарочного фокусника он открывал и закрывал три дверцы, демонстрируя мудреный часовой механизм из большого горизонтального валика с колками и разнокалиберных шестеренок, соединенных рейками, сквозное пустое отделение, где лежала только красная бархатная подушка, и выдвигной ящик со вторым набором шахмат, который он извлек и поставил на отдельный столик.

Наполеон рассматривал автомат, слегка склонив голову набок и рассеянно слушая перевод Маре, с трудом поспевавшего за подробными пояснениями. Это та самая машина, которая оконфузила немало великих и знатных людей, сразившихся с нею; только великий Филидор сумел поставить ей мат после довольно длинной и утомительной партии. Что ж, Бонапарт тоже француз, возможно, ему удастся сделать то, чего не удалось Екатерине Великой, ее сыну Павлу и даже Бенджамину Франклину. Шахматные фигурки – белого и красного цвета. В прошлом веке такую форму носили французы и англичане.

– Довольно, герр Мельцель, – оборвал Наполеон немецкую болтовню. – Начнем.

Немец поклонился, подошел к ящику и щелкнул каким-то рычажком сбоку; послышалось тоненькое скрежетание шестеренок, манекен поднял правую руку, коснулся ею своего лба и сердца и наклонил голову. Наполеон уселся перед шахматным столиком напротив, перевернул доску белыми фигурами к себе и передвинул королевскую пешку с e2 на e4.

– Прошу великодушно извинить меня, сир, но первый ход всегда делает Турок, – проблеял Мельцель.

– Белыми всегда играю я, – отрезал император.

Мельцель подошел к машине и передвинул белую пешку. Под мелодичный скрежет правая рука автомата простерлась над доской, пальцы сжались и разжались, красная королевская пешка переползла на e5; Мельцель переставил ее на доске императора. Наполеон двинул ферзя на f3, автомат – коня на с6. Белый слон вырвался вперед; красные высвободили второго коня. Что ж, быстрота и натиск – залог победы. Второй слон белых встал перед королем. Автомат звякнул, рука повисла в воздухе, а затем отодвинула белого слона обратно.

– Прошу прощения, сир, но вы ошиблись. Слон так не ходит.

Наполеон улыбнулся и пожал плечами, поставив на ту же клетку коня. Играя с Бертье, маршалом Мюратом или госсекретарем Маре, ему тоже случалось «ошибаться», но еще никто и никогда не сделал ему замечания: все знали, что император не любит проигрывать.

Красные слоны рвались вперед; белые сделали рокировку. На одиннадцатом ходу из-под лакированного дерева донесся металлический голос: «Шах!» Наполеон вывел своего короля из-под угрозы от красного коня и заслонил пешкой от ферзя, но рядом тотчас очутился второй красный конь. «Шах!» Белые фигуры оказались зажаты собственными пешками в левом углу, в то время как красные спокойно вели планомерное наступление. Белый король метался туда-сюда; уже на девятнадцатом ходу стало ясно, что ему не уцелеть, однако Наполеон продолжал партию, надеясь, что соперник всё-таки допустит ошибку. На двадцать четвертом ходу белая пешка съела последнего красного слона, но в это время над белым королем навис красный ферзь, поддержанный конем. Наполеон встал, взял своего короля, положил на доску и вышел. Дюрок и Маре поспешили за ним, Мельцель остался один.

Выждав немного, он подошел к дверям, за которыми только что скрылся император, прислушался, прикрыл их поплотнее, вернулся к машине и распахнул дверцы. На месте часового механизма сидел человек, скрючившись в три погибели; свеча под прозрачной шахматной доской сразу погасла. Мельцель помог ему выбраться.

– Герр Альгайер, вы были великолепны! – восхищался он, пока шахматист, упершись руками в колени, ловил ртом воздух с характерным свистом астматика.

Гроссмейстер сунул в карман кошелек с деньгами, даже не пересчитав их. Деньги, конечно, нужны: Альгайер задолжал за квартиру, играет в шахматы в кафе по гульдену за партию, чтобы оплатить скудный обед... Хорошего места бывшему солдату не найти; жениться? Кто пойдет за немолодого, нищего да еще и с больными легкими... Но сегодня на его улице праздник: австрийский воин победил Наполеона Бонапарта! Хотя об этом никто и не узнает...

4

Питео, 20 августа 1809 года.

Дорогой отец, милая Шарлотта!

Спешу уведомить вас, что я жив, хотя сие обстоятельство не доставляет мне радости: я предпочел бы сложить голову в бою или скончаться от ран, однако они оказались не столь опасны, чтобы избавить меня от позора плена, перенеся в лучший мир, где неприятель был бы надо мною не властен. Я ранен штыком в правую ногу и саблей в левое плечо, картечная пуля всего лишь оцарапала мне бок, вместо того чтобы ударить в сердце, которое обливается кровью при виде менее счастливых моих товарищей и при воспоминании о роковом сражении, отнявшем у нас последнюю надежду на достойное завершение этой войны, чтобы наш новый король мог подписать перемирие твердой, а не дрожащей рукой. Моя рука тоже плохо слушается, мне стыдно, что Вам придется разбирать эти ужасные каракули, но я должен воспользоваться оказией (другой, возможно, долго не представится), чтобы рассказать Вам о том, что произошло и что я видел своими глазами.

Граф Вахтмейстер приказал начать высадку в Ратане пятого августа, однако нам сильно мешал густой туман. На всех кораблях били в барабаны, а с некоторых даже палили из пушек, чтобы они не столкнулись друг с другом, потому что на расстоянии вытянутой руки разглядеть ничего было нельзя, а на большинстве транспортных судов экипажи состояли из англичан, плохо знавших прибрежные воды. Увы, шведский лев уже не в силах играть земным шаром, точно мячиком: наш флот понес невосполнимые потери в людях из-за различных болезней, офицеров и капитанов осталось крайне мало.

Начало наших действий было довольно удачным: высадившийся авангард атаковал русских, отрезав путь сообщения между их отрядами, и заставил отступить к Тефтео, однако граф Вахтмейстер по причинам, не доступным моему пониманию, остановился на полпути и послал за приказаниями к адмиралу Пуке, вместо того чтобы идти вперед навстречу основным силам русских, спешившим в Умео. Я глубоко уважаю графа Вахтмейстера, в том числе по Вашим воспоминаниям о нём, дорогой отец, Вы ведь были при Валькеале, где граф заслужил генеральский чин, заплатив за него правой рукой, но здесь, в Севаре, ему не достало той решимости, о которую русские разбились тогда, точно о каменную стену! Как офицер, сведущий в воинском деле и раненный на поле боя, я считаю себя вправе высказать свои укоризны этому достойному полководцу, который, однако, целые сутки провел в совершенном бездействии, никак не подготовившись к решающему сражению, хотя был послан королем именно для него. Поверите ли, отец, но он даже не обозрел окрестностей и никого не выслал на рекогносцировку! На мой взгляд, позиция в Дьекнебоде была бы куда выгоднее, а еще лучше было бы пройти вперед до Тефтео и укрепиться там, но граф, похоже, возлагал свои надежды на высокий холм за Совароном, расположив войска вокруг этой высоты и по обоим берегам реки. Кавалерию разделили на небольшие отряды; я находился на нашем левом фланге, защищенном естественными преградами, фронт наш был прикрыт густым лесом, но этот самый лес мог из защиты превратиться в помеху, что, увы, и произошло впоследствии. За целый день не было произведено никаких работ, не построено никаких ретраншементов, люнетов или иных укреплений! Если бы сии меры были приняты, исход сражения мог оказаться иным...

Бой начался утром, часов около восьми; русские решительно атаковали высоту и сумели захватить ее после двух часов упорного сражения. Овладев ею, они разместили там свою батарею из восьми орудий. Теперь уже нашей пехоте приходилось отбивать высоту обратно под самым сильным огнем, орудя штыками, но сделать этого не удалось, хотя русским был нанесен большой урон и не меньше двух их генералов были убиты. В это время против нашего отряда, стоявшего перед рекой, вышел отряд неприятеля, переправившийся вброд по заливу

и преодолевший все преграды, кои нам казались непреодолимыми. Закипел жаркий бой, грохот канонады с обеих сторон сливался с ружейными выстрелами; мы отступили за реку, разломав мост, и стали там как вкопанные, но русские, невзирая на пальбу, перешли реку вброд возле бывшего моста, при этом нам в тыл неожиданно ударил свежий отряд, использовавший брод выше по течению, который никто не охранял и не мог предупредить нас! Вот что значит беззаботность! Мы дрались как львы, мою лошадь убило, я сражался пешим и получил все свои раны, лишившие меня возможности сопротивляться неприятелю, но и не позволившие убежать с поля боя. Около трех часов пополудни послышались сигналы к отступлению: граф Вахтмейстер в полном порядке отступал к Дьекнебоде под прикрытием арьергарда, но наша колонна, оказавшись отрезана от главных сил, совершенно смешалась и рассеялась. Неприятель занял нашу позицию, о чём я узнал уже вечером, – Господь лишил меня сознания на несколько часов, и когда чувства вернулись ко мне, я обнаружил себя лежащим у костра, с перевязанными ранами, среди наших солдат, но под охраной русских часовых; мне объявили, что я пленный.

В этом лагере мы провели пять дней, пока основные силы русских ушли к Ратану, где было другое сражение, о котором я ничего не могу вам сообщить, поскольку не участвовал в нём; я знаю лишь то, что, вероятно, уже известно и вам: граф Вахтмейстер сумел погрузить свои войска на корабли и отплыть к Умео, куда направлялся граф Вреде со своим корпусом. А ведь всё могло обернуться иначе! Не зря же русские не воспользовались своей победой в полной мере и были вынуждены отступить на север! Они испытывали сильный недостаток в провианте, снарядах и патронах; я своими глазами видел четыре бревна, обрубленные и выкрашенные так, чтобы издали походить на пушки; во время пребывания в лагере и последующего перехода нас держали впроголодь, но и русские доедали последние сухари; только в Питео, куда мы прибыли третьего дня, нас впервые накормили по-человечески, потому что в этот город прибыл транспорт из Улеборга.

Я слышал от русских офицеров, знающих по-немецки, что их главнокомандующий, граф Каменский, собирается заключить перемирие с генералом Сандельсом, уполномоченным на это правительством; перемирие продлится до завершения переговоров во Фридрихсгаме. Туда нынче отправляется курьер, это и есть та оказия, о которой я упомянул выше. Не знаю, как скоро мы увидимся и увидимся ли вообще на этом свете, всё в руках Всевышнего, на которого я всецело полагаюсь. Я лишь хочу, чтобы вы знали, дорогой отец и любезная сестра, что наше поражение ни в коей мере не было вызвано малодушием, робостью или слабостью; мы встретили это испытание, ниспосланное нам Господом, как подобает истинным шведам – бесстрашно и стойко. Будьте же и вы сильны духом и телом, уповая на Провидение.

Ваш любящий сын и брат

Густав А.

5

Ворота шлюзов прогнили, затворы обветшали – неужели за этим никто не смотрит? Канал был открыт для судоходства всего семь лет назад, и столько вещей уже пришли в негодность! Принц Ольденбургский в неприкрытых выражениях выразил свое негодование инженер-генерал-лейтенанту Фердинанду Герарду, чего тот явно не ожидал. Немец, выросший в России, «Федор Иванович» понимал, что все его заслуги не перевесят неудовольствия члена монаршего семейства, а потому не спорил и не оправдывался, однако ему было неприятно, что ему учинили разнос на глазах у Франца де Воллана, смотревшего на него со снисходительным выражением старого генерала, инспектирующего кадетский корпус, и знаменитого Августина де Бетанкура, вступившего в русскую службу только в прошлом году и еще не постигшего всех тонкостей работы в России.

Принц Георг, поставленный во главе Департамента водяных коммуникаций после своей свадьбы с сестрой императора Александра, взялся исполнять новую должность с рвением неопита, наивно полагая, что строгостью и требовательностью можно исправить любые недостатки, но еще не понимая по неопытности, что упущения отдельных лиц – зачастую часть одной большой системы. Стоит ли корить пропойцу, валяющегося в канаве, за то, что он грязен, тогда как беда в том, что он пьян?

Новобрачные отправились в Тверь, откуда принцу предстояло управлять тремя губерниями, водным путем, на яхтах, чтобы осмотреть по пути гидротехнические сооружения. Путешествие продолжалось пятый день, настроение Георга постепенно менялось. Он уже сожалел о том, что был так суров с Герардом в Шлиссельбурге.

Густые леса на берегах время от времени расступались, открывая серые деревеньки без садов, с покосившимися заборами, курные избы с прохудившимися крышами, сырые часовенки, глядевшиеся в лужи, выпасы с тощими коровенками, грязь с колеями от телег, которую именовали дорогой... Какой контраст с блестящим Санкт-Петербургом! Георг вспоминал недавние свадебные торжества, бал-маскарад в театре при Зимнем дворце, пышные букеты из страусовых перьев в узких стеклянных трубках, сверкавших от множества свечей, иллюминацию, колокольный звон, народные гулянья – в какую сумму всё это обошлось? Сяский канал длиной в десять верст с четвертью, между Волховом и Сясью, начали копать еще при императрице Екатерине, его сооружение растянулось на долгих тридцать шесть лет; продлевавший его Свирский канал строили уже седьмой год – на это денег не хватало. Устройство канала между Вытегрой, впадающей в Онежское озеро, и Ковжей, текущей в Белое, задумал и вовсе Петр Великий, но деньги на него сыскались только в 1799 году – в сохранной казне воспитательных домов, коими заведовала тогда еще не вдовствующая императрица Мария Федоровна. Четыреста тысяч рублей в год, взятые у сирот «заимообразно», употребили на рытье канала с двадцатью шестью шлюзами под руководством голландца де Воллана – первого инженера в армиях князя Потемкина и графа Суворова, строителя новых городов на юге России, – которого произвели в генерал-лейтенанты и поставили во главе особого управления (со штатом чиновников на жалованье). Испанец Бетанкур, создатель лучшего в мире оптического телеграфа и Корпуса инженеров путей сообщения, с предубеждением относился к проектам в России (где он оказался лишь волею судеб, спасаясь от напастей, обрушившихся на его отечество), однако даже он был впечатлен гигантскими деревянными шлюзами, продольными дамбами, протянувшимися на три версты... Георг же ясно видел теперь, что для прокладки каналов, призванных сделать водный путь быстрее и удобнее, оживить торговлю, упростить доставку самых нужных материалов с Волги в Петербург, приходилось пробиваться не только сквозь леса и скальную породу, но и через косность, невежество, волокиту, плутовство, возведенные в ранг обычая. Теперь он ругал себя за то, что так неласково обошелся с инженером Герардом

– представителем достойной немецкой фамилии, сделавшей так много для украшения Петербурга и Москвы. Впредь он не повторит этой ошибки и не бросит ни единого упрека, не произведя прежде тщательного анализа самых разных фактов. В Белое озеро впадают несколько десятков рек, мутных от глины, а вытекает из него только Шексна с чистой водой – прекрасный символ, созданный самой природой, пример, коему и человеку стоит следовать.

... В Твери готовились к встрече нового генерал-губернатора с великой княгиней и малым двором (десять адъютантов Георга числились камер-юнкерами Екатерины Павловны). Сонный городок, погрязший в блаженной недвижности, вдруг вспомнил о своем славном прошлом. В апреле туда явился из Москвы шустрый архитектор-итальянец Карл Росси, привез с собой тучу каменщиков, плотников, кровельщиков, обойщиков, столяров, садовников – и закипела работа. Земляной вал и три соборных дома на площади перед запустевшим Путевым дворцом, построенным при матушке Екатерине, срыли до основания, глубокий ров с мостом засыпали, будто его и вовсе не было, капустные огороды заровняли, крапиву и репейник выкосили, к северному фасаду добавили аркадный пандус с изящными скульптурами, спускавшийся к Волге, сам дворец обновили, наполнив его модной мебелью, картинами, скульптурами, фарфором, расписали фресками потолки с золоченой лепниной, привели в пристойный вид дворцовый сад и всю усадьбу – получилось не хуже, чем в Москве или даже в Петербурге. Успели вовремя: через неделю после свадьбы, отпразднованной третьего августа, принц Ольденбургский получил известие, что всё готово; гражданский губернатор Ушаков с облегчением вытер платком потный лоб и изготовился ждать новое начальство.

Едут! На пути следования кортежа установили деревянную Триумфальную арку, раскрашенную под мрамор. Высокие гости сошли на берег, сели в кареты и отправились под колокольный звон вдоль улиц с неопрятными домами и кучами гниющих отбросов, мимо губернаторского дома с развалившейся оградой и широкой лужи к мосту через канал с вонючей стоячей водой, за которым их ждал великолепный дворец. Жители высыпали на улицы и кричали «ура»; усатые будочники, одетые как чучела, стояли навтыжку со своими алебардами, тараша глаза от верноподданнических чувств.

6

В Петербурге Саша провел всего один суматошный месяц. Нужно было исполнять новые обязанности при государе (о производстве Чернышева во флигель-адъютанты его матушку уведомил лично канцлер Румянцев), ездить с визитами (а большинство важных знакомых летом перебрались на дачи), не забыв при этом увидаться с товарищами по конногвардейскому полку и засвидетельствовать свое почтение его шефу – генералу Уварову. Чем ближе к государю, тем больше ловушек расставлено на пути наверх; Чернышев уже пострадал от своей неосторожности, когда его оклеветали перед Александром по возвращении из Байонны, обвинив в нескромности относительно важного поручения. Надобно держать ухо востро, научиться владеть своим лицом и голосом, никогда не ронять необдуманных слов, завести как можно больше связей в высшем свете и оказать как можно больше маленьких, но полезных услуг, чтобы возбудить доверие к себе и всегда быть в курсе всего, что происходит при дворе и в городе. Утро десятого августа застало его уже в дороге – на пути из Петербурга в Шёнбрунн.

– Как здоровье императора Александра? – спросил Бонапарт с озабоченным видом, когда Саша, напудренный, надушенный и затянутый в корсет, явился на назначенную ему аудиенцию в седьмом часу утра, на следующий же день после приезда. – Я слышал, что он ушиб себе ногу; надеюсь, это приключение не имело для него серьезных последствий?

Государь в самом деле перевернулся в карете по дороге в Петергоф и был еще прикован к постели, когда Чернышев явился к нему за инструкциями. Бонапарт прекрасно осведомлен о том, что происходит в России, и хочет, чтобы об этом знали; что ж, всегда есть способ не солгать, не сказав при этом правды.

– Я полагаю, сир, что к моему возвращению государь будет совершенно здоров и рад узнать о том, что вы беспокоились о нём.

– Иначе и быть не могло: друзьям свойственно беспокоиться друг о друге, а моя дружба к императору Александру ничуть не изменилась. И вас я тоже рад видеть снова.

На разводе караулов присутствовали Евгений Богарне, пасынок Бонапарта, маршалы Бертье, Массена, Даву и Удино. Затем все прошли в столовую, чтобы разделить завтрак с Наполеоном. Чернышев оказался за одним столом с императором французов, вице-королем Италии, князем Невшательским и Ваграмским, герцогом де Риволи – князем Эсслингским, герцогом Ауэрштедтским – князем Экмюльским и просто графом Империи – сыновьями мелкопоместных дворян, младших офицеров, лавочника и пивовара. При всём уважении к их храбрости и военным талантам Саша всё же не мог считать их общество равноценным тому, которое оставил в Петербурге. Кровь, порода – великая вещь, Бонапарт это прекрасно понимает, потому и стремится залучить в свою свиту настоящих аристократов. Однако на трон его возвели плебеи, бряцающие теперь громкими титулами. Взять хотя бы Массена – сына виноторговца из Ниццы, храбреца, героя, грабителя и стяжателя. Наполеон прозвал его «любимым сыном победы», осыпал подарками и наградами, но в душе маршала живет торгаш. В знаменитый фаэтон, из которого Массена отдавал приказы под пулями и ядрами неприятеля, впрягли четверку белых лошадей из его собственной конюшни, а правили ими его личные кучер и фореитор – сами вызвались, чтобы хозяйское добро не пропало. Поздравляя князя Эсслингского с победой, Наполеон сказал, что эти двое слуг – самые большие храбрецы из трехсот тысяч человек: солдаты исполняли свой долг, а кучер с фореитором подвергались опасности безо всякого принуждения и потому заслуживают особой награды. Массена сначала сделал вид, будто не понял намёка, но в конце концов пообещал выдать каждому по четыреста франков – единовременно, а не в виде пожизненной пенсии! Хотя восемьсот франков в год не разорили бы человека с доходами в девятьсот тысяч, владельца двух особняков, набитых похищенными произведениями искусства и золотыми слитками, и загородного имения. Наполеон раздает своим марша-

лам поместья и замки, вероятно, полагая, что богатые люди воровать не станут... Заблуждение. Рожденные в бедности боятся вновь сделаться бедняками и становятся ненасытны; только никогда не нуждавшиеся люди способны заботиться о других.

Сузив слегка раскосые глаза под высоким лбом, еще увеличенным лысиной, Даву украдкой поглядывал на Чернышева, когда тот отвечал на вопросы императора. Кто с кем играет? Кто мышка, а кто кот? Первую половину августа маршал провел в Богемии, выведывая о происках австрийцев и уничтожая возведенные ими укрепления. По словам австрийских дезертиров, в Ольмюцкой крепости довольно часто видели русских офицеров. Ну, допустим, про генерала – явное преувеличение, но всякая мелкая сошка типа этого хлыща вполне могла там ошиваться. Их присутствие встревожило даже бюргеров из Брюнна, отправивших депутацию к императору Францу с просьбой о денежном вспомоществовании; Франц уверил их, что у русских «добрые намерения». Добрые для кого? Россия и Австрия – давние союзники, их нынешняя вражда показная, хотя и не полностью фальшивая. Конечно, вряд ли русские до такой степени сбросили бы маску, чтобы заключать тайные договоры с австрийцами под носом у французов... И всё же за адъютантом царя лучше присмотреть, пусть министр полиции примет меры.

* * *

– Извольте следовать за мной, его величество примет вас незамедлительно.

Чернышев поднялся вслед за адъютантом по деревянной лестнице с резными перилами и прошел через анфиладу комнат с кессонными потолками, плиточными полами, витражными стрельчатыми окнами, старинной мебелью и затхлым запахом былого величия. Ждать пришлось недолго: уже через несколько минут в распахнувшиеся двери вошел император Франц, с головы до ног одетый в белое, с приглаженными к костистому черепу светлыми волосами. Саша поклонился, щелкнув каблуками, и подал ему запечатанное письмо.

Взломав печать, император пробежал глазами ровные строчки, затем сложил бумагу и спросил Чернышева, не передавал ли его кузен что-либо на словах. Саша произнес заранее приготовленную и затверженную фразу о том, что сила обстоятельств порой заставляет нас действовать несообразно нашим желаниям, Россия – неприятельница Австрии лишь по наружности, дружба императора Александра к императору Францу остается неизменной, он искренне желает скорейшего заключения мира для предотвращения новых несчастий и благополучия подданных своего любезного кузена.

– И я никогда не признавал и не буду признавать неприятеля в императоре Александре, – с чувством ответил Франц. – Я совершенно убежден, что падение Австрии, единственной преграды между Францией и Россией, противно выгодам вашего отечества. Вы ведь были при императоре Наполеоне в последнем походе?

– Точно так.

– Значит, вам известно, что в моей армии делали много ошибок... Но в то же время вы были свидетелем бесстрашия моих войск, нанесших большой урон неприятелю?

– Совершенно верно, ваше величество, я могу это подтвердить.

Франц слегка улыбнулся тонкими губами.

– Вы – первый русский, кого я вижу с самого начала кампании! Мне очень жаль, что я не могу пригласить вас к столу: императрица занемогла, получив известие о смерти своего брата, венгерского примаса, я должен обедать с ней. Такое горе, ему не исполнилось и двадцати пяти! Приезжайте ко мне ввечеру проститься.

Чернышев снова поклонился. Император вспомнил про письмо.

– Вам надобно сегодня же возвратиться в Шёнбрунн, не так ли? Так я пошлю ответ к князю Голицыну, чтобы вас не задерживать. Жду вас вечером!

Саша с поклоном сделал несколько шагов назад, пятясь к двери, и вышел.

То, что император не оставил его обедать, даже к лучшему, думал он, снова следуя за адъютантом. За ним наверняка следят, у Бонапарта повсюду есть осведомители. Продолжительная беседа с австрийским монархом вызвала бы ненужные подозрения, а его главная задача сейчас – усыпить бдительность французов. Выехав вчера утром на почтовых из Шёнбрунна в Дотис, Чернышев нарочно остановился в Альтенбурге, где шли переговоры о мире, – поменять лошадей и нанести визит министру иностранных дел Шампаньи. Прикинувшись наивным мальчиком, Саша спросил, каково его мнение: стоит ли ему искать встречи с графом фон Меттернихом, австрийским полномочным послом, чтобы сообщить, что он везет послание русского государя к австрийскому императору? Шампаньи категорически не советовал этого делать (разумеется, в самых учтивых выражениях) и, как Саша ни отнекивался, навязал ему конвой до австрийской передовой цепи, упросив также взять в дорогу разные кушанья: на почтовых станциях можно найти только самый скудный обед. Что ж, если бы он и увиделся с Меттернихом, тот не смог бы уделить ему достаточно времени, чтобы посвятить во все тонкости переговоров. Оставим политику дипломатам.

Досадно, однако, что он не увидит ее императорское величество Марию Людовику. Говорят, что она весьма хороша собой. Муж будто бы сильно в нее влюблен, она моложе его на двадцать лет. Правда, слабого здоровья; детей у них, наверное, не будет. Впрочем, у императора и так уже семеро детей, он ведь дважды вдовец. На своей хорошенькой кухне-бесприданнице он женился полтора года назад, невзирая на предостережения графа фон Меттерниха, бывшего тогда посланником во Франции. Ее отец, герцог Миланский, лишился трона по воле Бонапарта, вся семья превратилась в изгнанников, союз с юной княжной рисковал осложнить отношения с Францией, однако сила любви одолела политические расчеты... Впрочем, Францу I не приходилось надеяться на возможность брака с какой-нибудь из европейских принцесс – дочерей вынужденных союзников Наполеона; настояв на своем выборе, он избежал унижения от возможного отказа. Стоит ли говорить, что новая императрица ненавидит Наполеона всей душой и жаждет мести. Очень может быть, что и нынешняя, несчастная для Австрии кампания вдохновлялась именно ею. Неудивительно, что она занемогла, перенесла столько ударов: поражение армии, смерть брата... Другой ее брат, Франц д'Эсте, только в этом году был назначен ее хлопотами губернатором Галиции, судьба которой решается теперь в Шёнбрунне. Ходят слухи, что он влюблен в старшую дочь императора Марию-Луизу, и императрица, которая старше своей падчерицы всего на четыре года, мечтает их поженить... Да, жаль, что нельзя будет увидеть ее и понять, настолько ли она умна и неотразима, как о ней говорят.

Обедал Саша с князем Иоганном Лихтенштейном и графом Бубной, составлявшими полную противоположность друг другу. Первый – высокий, светловолосый, худощавый, с узким лицом, изнуренным болезнью, второй – кряжистый брюнет с полными щеками и волевым подбородком. Князь, ведший в бой кавалерию и гренадеров при Экмюле, Асперне и Ваграме, теперь должен был сделаться дипломатом и участвовать в мирных переговорах; граф был доверенной особой императора Франца и часто ездил к Наполеону с поручениями от него. Вкуса подаваемых блюд никто не ощутил: всё забивала горечь от разговора.

Именно князь Лихтенштейн привез Бонапарту просьбу императора Франца о мире, когда под Цнаймом кипело сражение. Грозовые тучи с проблесками молний словно отражались на земле в клубах порохового дыма со вспышками выстрелов, а потоки дождя не могли охладить пыла двух армий: и с той, и с другой стороны офицеры, посланные с приказом о прекращении огня, были ранены. На переговоры ушел весь день; наконец подписали перемирие: Австрия соглашалась признать завоевания Наполеона и не оспаривать прав его брата Жозефа на испанский престол, присоединиться к блокаде Англии и уплатить контрибуцию в сто девяносто шесть миллионов. Но этого Бонапарту показалось мало, он потребовал уступить ему земли с населением в четыре, даже пять миллионов жителей! Пойти на это было никак невоз-

можно, после двух недель обмена курьерами император французов уменьшил свои требования до трех-четырёх миллионов жителей. Наполеон хочет присоединить Тироль и Зальцбург к Баварии, Западную Галицию – к Варшавскому герцогству, а Триест и Далматию забрать себе! Он стремится возвыситься еще больше, унижая других, но всему же есть предел. В Тироле продолжается крестьянское восстание, хотя регулярные австрийские войска уходят оттуда, передавая крепости французам. Вообразите себе чувства боевых офицеров, не щадивших себя на поле боя, когда крестьяне, вооруженные охотничьими ружьями и дрекольем, обвиняют их в трусости или, наоборот, умоляют остаться и не бросать их!

На отпускную аудиенцию к императору Чернышев шел с тяжелым сердцем, но, по крайней мере, в голове у него прояснилось. Заметив зеркало, Александр мельком оглядел себя и одернул мундир, хотя тот и так сидел на нём, как перчатка.

Император словно постарел за эти несколько часов: впалые щеки казались еще бледнее, морщины у рта и на лбу – глубже, глаза печальнее.

– Я готов заключить мир с императором Наполеоном и пойти на определенные жертвы, жалея моих подданных, которым каждый день пребывания французской армии обходится в миллионы, но предлагаемые им условия настолько унижительны, что я не могу их принять, не покрыв себя бесчестьем, – сказал Франц. – Он сам лишает меня выбора: если он не смягчит своих требований, я буду вынужден продолжать войну. Странно, что он не предвидит опасности, доводя народы до отчаяния, – неужели примеры Испании и Тироля до сих пор его не образумили? Попробую написать к нему еще раз. А вас я прошу передать императору Александру, что я ни минуты не сомневался в его дружбе. Я стараюсь теперь сохранить силы, чтобы иметь возможность когда-нибудь быть полезным России – вот всё мое желание.

* * *

– Vive l'empereur!³

Вырвавшись разом из сотен глоток, этот крик перекрыл звуки полковой музыки. Последняя рота прошла по двору Шёнбруннского замка, развод окончен; Наполеон сделал знак Чернышеву следовать за собой.

– В каком расположении вы нашли императора Франца? – спросил он, когда за ними закрылись двери кабинета. – Что он думает о мире?

– Он готов заключить мир, если ваше величество будет снисходительнее в требованиях. Бонапарт сделал резкий жест рукой и несколько раз прошелся туда-сюда.

– Готов заключить мир! Зачем же он не торопится это сделать? Что за прокламацию он написал к своей армии на другой день после первой встречи наших уполномоченных? Это больше похоже на объявление войны, чем на желание мириться.

Он достал из кармана сложенные в трубку листки, приблизил к глазам и принялся громко читать французский перевод этой прокламации, делая замечания к каждой фразе, но на середине бросил.

– Скорый мир выгоднее Австрии, чем мне. Вы знаете, каковы ее издержки на содержание моей армии? Они ужасны! Я хочу лишь преподать ей маленький урок, требую уступки нескольких областей, чтобы показать всему свету, что я не разбит! Если я уйду из Вены ни с чем, все подумают, что мир с австрийцами был для меня единственным способом унести отсюда ноги! Мне-то всё равно, будет ли у Баварии на полсотни тысяч жителей больше или меньше, я хочу мира для блага всего человечества! Разве мало крови мы уже пролили? И потом, мне здесь уже надоело, хочу в Париж.

Наполеон с досадой бросил прокламацию на письменный стол. Чернышев молчал.

³ Да здравствует император! (франц.)

– Знаете, что на самом деле удерживает императора Франца? Высадка англичан в Зеландии, на острове Валхерен. Губернатору велю голову отрубить! Но эта высадка не имеет никакого влияния на здешние дела, я не пошлю отсюда туда ни единого человека! Франция сама справится, там уже собрали три корпуса Национальной гвардии. Вы отправляете нынче курьера в Петербург; подождите отсылать его, пока я не переговорю с графом Бубной, я жду его сегодня.

7

Ровно в семь часов вечера в дверь негромко постучали. «Войдите!» – тотчас откликнулась Мария. Она давно была готова. Спустившись по лестнице вслед за Дюроком, она села в закрытую карету без всяких украшений; лакей закрыл дверцу и встал на запятки.

Карета катила по штрассе и гассе мимо чистеньких домиков с лавками на первом этаже и ставнями на окнах, старинных особняков с рыцарскими доспехами в нишах, кофеен, церквушек, рынков и площадей, пока булыжная мостовая под колесами не сменилась дорожками Шёнбруннского парка. Вот и Липовая аллея, потайная дверь, полутемная лестница...

Указания насчет сегодняшнего вечера, которые Мария получила утром через Дюрока, были странно кратки и неопределенны: она должна просто прибыть во дворец в назначенный час. Обычно Наполеон заранее планировал вечернюю прогулку по Шёнбруннскому парку, вылазку в простой карете без гербов на берег Дуная или в Пратер, чтобы она могла одеться по погоде; он мог и просто пожелать, чтобы она сидела рядом, пока он диктует письма секретарю или читает важные бумаги – тогда накидка была не нужна...

Мария покинула Польшу сразу, как только получила письмо императора, солгав старику Валевскому, что едет на воды в Гастуну. В первые дни после приезда она проводила с Наполеоном всего один час, после которого он становился нетерпелив, и Мария тотчас уходила, чтобы не приводить его в раздражение, но со временем она сделалась ему необходима. Если они не могли увидеться (у императора столько дел!), он писал ей нежные письма: «Тысяча поцелуев в губки моей Мари»... В такие дни они оба страдали от разлуки, хотя Мария вовсе не жила затворницей: в Вене и в особенности в Бадене оказалось много поляков – знакомых и родственников, как, например, Юзефа Витт – молодая вдова Адама Валевского, вышедшая замуж за Яна Витта, сына графини Софии Потоцкой от первого брака. (Правда, этот Витт, щеголявший богатством своей матери, – гвардейский полковник на русской службе, принявший русское подданство, и мать его тоже живет в России.) Все поляки знали о связи графини Валевской с императором и вовсе не осуждали ее, наоборот: его слова, оброненные еще два года назад в Варшаве, о том, что благодаря Марии он еще больше полюбил их нацию, наполнили всех надеждой. С красавицей-патриоткой искали дружбы; новые знакомые делали ей комплименты, а старые твердили в один голос, что она необычайно расцвела и похорошела. В этом не было ничего удивительного: женщину лучше всего красит счастье, а Мария была счастлива. Все долгие шестнадцать месяцев разлуки, пока Наполеон находился в военных походах, она жила в польской глуши лишь упованием на новую встречу, и вот ее мечты сбылись! Но русским офицерам-волонтерам, часто бывавшим у Витта и пользовавшимся его великолепной конюшней и экипажами, было невдомек, почему Мария всегда говорит об императоре с таким благоговейным восторгом. А как же иначе! Это великий человек, его имя гремит по всему миру, он мановением руки способен двинуть в поход огромные армии, уничтожить древние государства и создать новые; все помыслы, все побуждения исходят от него и возвращаются к нему! И при этом он может быть так нежен, ласков и добр...

Она в бывших покоях императрицы Марии-Терезии. Малая галерея – картины, позолота, канделябры; два китайских кабинета, овальный и круглый, – шелковые занавеси, фарфор, узорчатый паркет; спальня... «Мари!» – император берет ее за руки и целует их по очереди несколько раз. Милый... Ах, они не одни! Из тени выступает полный невысокий мужчина с серебряными пушистыми волосами и приветливо-добрым взглядом из-под набрякших век, с красным бантом ордена Почетного легиона в петлице черного сюртука. Это доктор Корвизар, личный врач императора. Мария уже видала его в Париже. Наполеон говорит, что не верит в медицину, но верит в Корвизара. «Госпожа графиня...» Ах, вот зачем он здесь... Щеки Марии розовеют от смущения. Она раздевается за ширмой и ложится на большую позолоченную кро-

вать под красным пологом – ту самую, на которой они... Наполеон стоит лицом к окну, заложив руки за спину... У доктора Корвизара такие мягкие, теплые пальцы... «Благодарю вас, мадам, это всё». Доктор кланяется ей, они с императором выходят за двери, оставив Марию одну... Через несколько минут Наполеон вбегает и падает перед ней на колени, обнимая ее ноги; она гладит его по голове; он поднимает к ней счастливое лицо, его глаза сияют как звезды. «Это правда! Ты сделаешь меня отцом!»

* * *

Корвизар никогда не ошибается, Мария беременна и должна родить в начале мая. О, Жозефина! Как это было жестоко с твоей стороны – намекать на то, что проблема во мне! «Bonaparte... Bon à rien!»⁴ Да, у тебя двое детей от первого мужа, но это ты, ты своими изменами довела себя до того, что твое чрево стало бесплодно. Теперь уже бесполезно пить горстями пилюли, которые тебе дает наш добрый доктор, тем более что половина из них – пустышки.

Я любил тебя, мучился от страсти, сгорал от желания, когда ты лишь позволяла мне любить себя. Я и сейчас тебя люблю, только иначе: ты слишком глубоко вошла в мою жизнь, пустила в ней корни, тебя не так-то легко будет выкорчевать из моей души. И ты приносишь мне удачу – да, это правда! Все самые яркие свои победы я одержал ради тебя, с твоим именем на устах! Я устремлялся вперед, под пули и ядра, сносил дождь, грязь и стужу, спал в каких-то гнусных сараях на соломе, на сквознях, лишь бы скорее завершить кампанию и увидиться с тобой, но для тебя мои победы были ничто, ты ждала меня с неоплаченными счетами, а пока я с большим трудом разбирался с ними и улаживал все дела, ты умудрялась наделать новых долгов! Ты не хотела жертвовать своими удобствами, чтобы находиться рядом со мной, ободрять и поддерживать! Ты не желала идти на уступки! Этот мерзкий пес Фортуне, цапнувший меня за ногу в нашу брачную ночь, потому что я занял его место в твоей постели, – ты не позволила мне его прогнать, я должен был терпеть его, а когда он наконец-то издох и я запретил тебе заводить другого, ты тут же купила мопса! Потом ты вдруг переменялась, заговорила о любви, принялась ревновать меня – я смеялся над этими письмами. Смеялся со слезами, потому что всё еще желал тебя, но длинные зимние ночи в Познани я проводил один, без тебя. Ты хотела быть со мной, но для тебя это означало, что я должен быть с тобой – я, самый поработанный из людей, вынужденный покоряться ходу вещей и силе обстоятельств! Ты пыталась разжалобить меня слезами и устыдить упреками, тебе было страшно ехать на войну – тебе, жене генерала Бонапарта! Говоря, что любишь, даже обожаешь меня, ты думала только о себе, ведь мне нужна была веселая, любезная и счастливая жена, которая повиновалась бы мне не с плачем и стенаниями, а с радостью! И вот теперь полька (не зря ты так опасалась полек!), молодая, красивая и кроткая, прилетавшая ко мне по первому зову, ничего не просившая для себя и не ждавшая награды, подарит мне величайшее счастье в жизни, доказав, что я могу быть отцом!

Мари добродетельна, сомнений быть не может. Насчет того, другого ребенка, которого родила Элеонора Ревель, когда я был в Пултуске, такой уверенности нет: он мог быть и сыном Мюрата. Но теперь я знаю точно: я не бесплоден!

Недавно мне исполнилось сорок лет. Для женщины этот возраст опасен, для мужчины – еще нет. Я говорил об этом с Корвизаром, он уверил меня, что время еще есть, мужская сила зависит от крепости организма и особенностей темперамента, а также серьезности ошибок, наделанных в молодости. Тебя я не могу считать ошибкой, ты моя радость и беда, ты – моя жизнь! Но ты же знаешь Корвизара; истины, которые он преподносит под глазурью шуток, не становятся от этого менее горьки. Я спросил его: если шестидесятилетний мужчина женится

⁴ Каламбур, букв.: «Бонапарт... ни на что не годен!» (франц.)

на молодой женщине, сможет ли он еще иметь детей? Он отвечал: «Иногда». А в семьдесят? «Непременно, сир». Мужу Мари семьдесят два. Я не могу долго ждать.

8

Борго, 7 сентября 1809 года.

Дражайший брат!

Ваше долгожданное письмо одновременно обрадовало меня и опечалило. Я сокрушаюсь при мысли о Ваших ранах и о претерпеваемых Вами лишениях, но знание того, что Вы живы, переполняет меня счастьем. Как могли Вы призывать смерть и сожалеть о том, что Господь в великой благодати Своей не позволил Вам расстаться с жизнью! Я вижу в этом знак Его благоволения к нам и нашему несчастному отечеству. Подумайте сами, что станет со Швецией, если она лишится лучших своих сыновей? Мы проиграли войну, плоды поражения горьки, но нельзя допустить, чтобы яд сомнения и уныния отравил Ваше сердце! Приготовляя к себя к вечной жизни, подумайте о том, что судьба Швеции еще не решена, в ней могут произойти перемены к лучшему, и если не Вы, то дети Ваши будут им споспешествовать, но для этого Вы должны оставить потомков и вложить в их сердца те чувства, которые укрепляли Вашу душу в боях и походах.

Не скрою от Вас, что Vater чувствует себя всё хуже. В начале сентября мы приехали в Борго: я уговорила его показаться врачу, но весть о несчастном мире совершенно расстроила его здоровье, теперь он почти не встает с постели, мне стоит больших усилий уговорить его проглотить несколько ложек бульона. В городе служили молебн, звонили в колокола и требовали выражений радости по поводу заключения мирного договора. Вы можете себе представить, с какими чувствами нам приходилось сносить всё это. Единственное, что может доставить нам радость при сих прискорбных обстоятельствах, – это Ваше скорейшее возвращение, ведь в трактате обозначен трехмесячный срок для отъезда пленных и аманатов. Если Вы в силах перенести путешествие, дорогой Густав, заклинаю Вас поспешить, чтобы Вы застали Vater в живых.

Есть, впрочем, еще одна причина поторопиться. На днях меня навестила Агнета Р., я показала ей Ваше письмо. Мы плакали в объятиях друг друга. Агнета открыла мне, что к ней посватался один русский чиновник, и ее родители склонны дать согласие на брак, одна мысль о котором приводит ее в ужас. Я бы ввела Вас в заблуждение, если бы сказала, что все в Финляндии несчастны от прихода русских. Есть люди, которые во всё отыщут выгоду, и окончание войны многие восприняли с величайшим облегчением, ожидая возвращения достатка из-за прекращения реквизиций и поборов. Урожай в этом году очень плох, нам всем грозит голод, немало наших знакомых уповают на помощь русского царя, который сейчас всячески стремится задобрить своих новых подданных, расточая на них свои щедроты. Господь не велит нам судить других людей, и кто я такая, чтобы корить родителей Агнеты за их желание обеспечить дочери надежное положение и достаток, но не хлебом единым должно жить человеку, как сказано в Писании. Я поклялась ей не передавать Вам тех слов, которые вырвались у нее в минуту отчаяния, но чуткое сердце должно подсказать Вам если не сами эти слова, то чувства, их породившие. И если они находят отклик в Вашей душе, то... Ах, милый Густав! Не слушайте меня, в моей голове всё смешалось, я уже не знаю, что хорошо, а что худо, на что уповать, кому довериться... Вчера господин Рютенберг, зайдя проведать Vater (который впал в беспамятство), просил моей руки, обещая стать мне опорой и защитой. Я сказала, что пока не могу дать ему ответа. Он немолод и небогат, все его достоинства суть доброта и хорошее воспитание, но есть ли у меня выбор? Только одно: стать его женой или Вашей обузой, заставив брата содержать сестру – старую деву.

Нам объявили, что шведы, проживающие в Финляндии, могут в трехлетний срок вернуться в свое природное отечество, забрав с собой всё движимое имущество и продав имения.

Три года – это не так уж и много, зная, сколько придется хлопотать. Наш король отрекся от нас, причем не только за себя, но и за преемников своих.

Уехать в неизвестность или остаться, признав над собой владычество царя?

Простите, милый брат, за столь сумбурное письмо, оно вполне отражает хаос, царящий сейчас в моих мыслях. Я каждый день молюсь о Вашем исцелении и возвращении. В надежде скоро Вас обнять, остаюсь нежно любящая вас сестра

Шарлотта.

* * *

– Бедная Швеция! – вздохнул Мещерский. – Право, совестно видеть, когда храбрый и мужественный народ, в коем столь сильно чувство справедливости, обобран силою своим соседом, не имеющим никакой нужды в новых землях, – свои бы освоить, – единственно в угоду союзнику – волку, прикрывающемуся овечьей шкурой.

– Неужели вся Финляндия отходит к России? – спросил его Искрицкий.

– Вся, даже и Торнео с частью Лапландии. До самой Норвегии.

– И Аландские острова, – добавил Вигель. – Аландское море и Ботнический залив будут служить морскою границей, поделенные пополам: ближайшие острова к твердой земле Аландской и Финляндской будут принадлежать России, а что прилежит к берегам Швеции, то останется ей.

Лакеи подали жаркое и переменили у них тарелки.

– Пожалуй, впервые нет никакой радости от победы, – снова заговорил Мещерский. – А всё потому, что со стороны это выглядит как подачка корсиканца: возьмите себе Финляндию, так и быть, только не мешайте мне покорять Испанию и разделаться с Австрией. Скажу вам по секрету, господа (надеюсь на вашу скромность), моя жена недавно получила письмо от своего брата, который ныне находится при Бонапарте, в Вене. Так вот Бонапарт раз призвал его к себе и спросил: «Какой части Австрийской Галиции желает Россия?» Другими словами, не желаете ли поживиться за счет вашего бывшего союзника?

Петр Сергеевич Мещерский, недавно назначенный обер-прокурором в пятый департамент Правительствующего сената, был женат на Екатерине Ивановне Чернышевой.

– И что же ответил ваш шурин?

– Он, разумеется, сказал, что ему не могут быть известны намерения государя на сей счет. Тогда Наполеон заявил ему, что из желания сделать приятное императору Александру готов подарить ему Лемберг и еще кое-какие местности, где есть жители, исповедующие греческую веру.

– Подарить?

– Вот именно. И еще высказал сожаление, что государь не прислал к нему в Вену графа Румянцева, занятого на Фридрихсгамском конгрессе, чтобы скорее склонить австрийцев к уступкам. Не кажется ли вам, что, угождая России таким образом, Бонапарт еще больше унижает ее?

– К несчастью, да, я совершенно согласен с вами, – сказал коллежский советник Искрицкий, женатый на польке. – Мы не должны принимать от него подачек. Если России что-либо потребуется, она возьмет это сама, предъявив свои законные права.

– Законные права? – вмешался Вигель. – А по какому праву Швеция владела Финляндией? По праву сильного, по праву завоевателя, так почему же Россия не могла воспользоваться тем же правом? Разве Ижора, Копорье, Карелия не принадлежали раньше Великому Новгороду? Вот вам и законные права.

Двадцатидвухлетний Филипп Вигель, служивший в Коллегии иностранных дел, был самым младшим из собравшихся за столом в гостинице Демута (хотя и остальные были далеко

не стары: Мещерскому сравнялось тридцать лет), однако говорил с апломбом и уверенностью. Его отец был тайным советником, а сестра – замужем за генералом Алексеевым, раненным в ногу во время сражения при Ратане, которое предрешило исход мирных переговоров.

– «Бедная Швеция!» – передразнил он Мещерского. – А как она сделалась сильной и богатой? Благодаря череде знаменитых государей, наследников викингов – этих грабителей, наводивших ужас на северные и южные берега. Только ими и красна была Швеция, и почти все они вступали в единоборство с Россией! Мудрый Густав Ваза поспешил окончить войну через два года, понимая, что Швеции в ней не выстоять; неосторожный Карл Густав напал на Речь Посполитую, обратив против себя Россию, Австрию, Пруссию, Данию и в итоге был вынужден молить о мире; Карл XII получил такого щелчка под Полтавой, от которого шведы долго не могли опомниться, но Густав III, не наученный их примером, напал на Ревель и наделал суматохи в Петербурге, пытаясь доказать непобедимость шведского флота. Нет, не надобно было давать им воли, завоевание Финляндии есть славное деяние его величества!

Его собеседники промолчали. Искрицкий хотел было напомнить Вигелю о том, что при первой их встрече Филипп сам рекомендовался шведом (его дед был взят в плен под Полтавой), но передумал. Еще ни один спор, в котором противники сражались бы историческими аргументами, не оканчивался торжеством какого-либо мнения, признанного всеми остальными бесспорным. Поэтому Александр Михайлович перевел разговор на современность, заговорив о Комиссии финляндских дел, во главе которой был поставлен статс-секретарь Сперанский.

Однако это имя подействовало на Вигеля, как красная тряпка на быка. Сперанский – вот кто пытается подражать Бонапарту! Бог весть, кем он себя возомнил, вылез из грязи в князи, а теперь и самую знатность всхотел топтать! Это ведь он сочинил проекты указов, подписанных государем, которые положили конец вольности дворянской, заставив придворных служить, а статских проходить испытания в науках для производства в чины. Что это, если не республиканство с его равенством? Неужто молодой камер-юнкер, воспитанный гувернером-французом, согласится переписывать бумаги под начальством выжиги-повытчика? А почтенный отец семейства усядется на школьную скамью, лишь бы получить чин, который раньше достался бы ему единственно выслугою лет? Зато напористые разночинцы теперь полезут во все щели. Сперанский, этот бывший дьячок, не любящий и не понимающий благородного сословия, хочет передать управление всей Россией в руки семинаристов! Он очаровывает государя песнями сирен, рисуя ему прекрасную картину будущего, однако оказывает ему медвежью услугу в настоящем... Искрицкий бросил быстрый взгляд на Мещерского: пятый департамент Сената исполнял функции упраздненной Тайной экспедиции, в трактире наверняка есть полицейские агенты, лучше прекратить слишком вольный разговор. Воспользовавшись новой сменой блюд, он заговорил о театре, до которого Вигель был большой охотник.

Филипп еще слишком молод, только жизненный опыт учит стискивать зубы, чтобы мысли не сорвались с языка. Такие, как он, додумавшись до чего-нибудь, тотчас мнят себя мудрецами и рвутся поучать других, вместо того чтобы сказать себе: я знаю, что ничего не знаю. Рассеянно слушая вигелевскую болтовню, Александр Михайлович размышлял о другом. Ежегодное увеличение налогов, убытки от запрещения на торговлю с Англией в угоду Бонапарту, обесценение ассигнаций – всё это вызывало недовольство, но ведь не мог же государь об этом не знать? В гостиных ходят слухи о заговоре; утверждают, что император сидит в Петергофе, опасаясь быть свергнутым в городе. Искрицкий знал наверное, что государя задержала в Петергофе дорожная неприятность, из-за которой он повредил себе ногу, – можно ли после этого верить всему, что говорится в свете? Салонные революционеры составляли проекты переворота (поднять сто тысяч человек и разместить их по полкам, арестовать канцлера Румянцева, статс-секретаря Сперанского и адмирала Чичагова, тяготеющих к Франции, сделать вдовствующую императрицу регентшей при десятилетнем великом князе Николае или провозгласить императрицей великую княгиню Екатерину) и даже расписывали по пунктам

будущую внешнюю политику: оставить в Валахии генерала Милорадовича для сдерживания турок, а остальную Дунайскую армию, вверив ее князю Багратиону, перебросить в Галицию и на западную границу, помириться с Англией, готовиться к войне с Францией... Стратеги! Пустая бочка громче гремит...

* * *

От резкого холодного ветра немело лицо. Взобравшись в седло, барон Георг Карл фон Дёбельн проскакал мимо выстроившихся перед ним солдат – новобранцев в мундирах с иголочки, сверкавших желтыми пластронами и белой португеей, шведских ветеранов в грязной одежде с пятнами крови и финнов в лохмотьях и опорках. Остановившись в центре, он обнажил голову, оставшись с черной повязкой на лбу (она закрывала след от пули, изуродовавшей его двадцать лет назад).

– Солдаты! – воскликнул он и почувствовал, как горло стиснуло от волнения. – Солдаты! Весть о мире – без сомнения, радостная, ибо она полагает конец всем бедствиям опустошительной войны, начатой вследствие политической ошибки и совершенно изнурившей за два года силы нашего отечества.

Генерал помолчал, переводя дыхание.

– Но Швеция теряет Финляндию, третью часть своих владений. Она лишается гордого финского народа – вернейшей опоры своей; отечество удручено горем и сожалением о невосполнимой утрате. Премудрость Всевышнего решила судьбу нашу. Примем же чашу сию терпеливо и безропотно.

Видно было, как у продрогших людей стучали зубы; ветер выдавливал слезы из-под покрасневших век и теребил лоскуты изодранной одежды.

– Воины, товарищи, братья! Ваши подвиги велики и им соразмерна благодарность, мною вам изъявляемая. Гордитесь тем, что вы видели сии остатки финского воинства. – Дёбельн вскинул правую руку в их сторону. – Помните и уважайте их! Смотрите на их изнуренные тела и бледные лица; читайте на них доказательства усердных, хотя и бесплодных, подвигов. Финны! Возвратившись в свои дома, передайте благодарность Швеции вашему народу. Вы идете в путь с истерзанною одеждою, изувеченными и простреленными членами, но носите на себе явные украшения доблестных воинов. Врагами шведской земли вы никогда не можете сделаться, в том я убежден, но пребудьте всегда ее друзьями.

Барон вновь почувствовал спазм в горле. Эта речь давалась ему нелегко.

– Если могущество русского правительства воспрепятствует исполнению ваших желаний и воли, изливайте на прежнюю отчизну безмолвные благословения! – продолжил он. – Напоминайте о ней детям вашим. Из рода в род мы будем благословлять и почитать вас. Об одном прошу: когда вы будете приближаться к местам, где мы побеждали врагов, и увидите насыпи, покрывающие тела павших товарищей наших, почтите прах их дружеским вздохом. Они умерли героями и над могилой их носится слава. Время всё изменяет, с ним всё забывается, но союз воинский, связанный боями, опасностями, кровью и смертью, не разрушается никогда. Братство воинов длится всю жизнь, и благодарность, которую я изъявил вам и опять изъявляю, находится в глубине сердец наших.

По холодным щекам Дёбельна потекли горячие струйки.

– Если бы речь моя могла сопровождаться кровавыми слезами, они полились бы теперь из глаз моих! – выкрикнул он.

Солдаты брали на караул, когда он медленно проезжал мимо, держа в поднятой правой руке свою двууголку.

9

– Vive l'empereur!

Гвардейцы маршировали четко, Наполеон смотрел на них с видимым удовольствием. В последнее время он почти постоянно пребывал в хорошем настроении; генералу Раппу даже удалось уговорить его помиловать двух венских мещан и одного еврея, приговоренных к казни за подстрекательство к бунту. Только донесения министра полиции Фуше из Парижа могли ненадолго вызвать в нём гнев и досаду. Ах, эти вечные происки Сен-Жерменского предместья! Давно пора разворошить это роялистское осиное гнездо и сослать всю эту шатию-братию во вшивую Шампань! Мало того что они пренебрегают его указами, так еще и распускают о нём самые нелепые слухи, например, что он помешался! Фуше к ним слишком снисходителен, говоря, что такова традиция: Сена течет, предместье интригует, хлопочет, клеветает – это в порядке вещей, у каждого свое занятие. Впрочем, Наполеон не станет мстить дамам в старомодных платьях, развезжающим в каретах с полинялыми гербами; пусть себе развлекаются в обществе Талейрана, этой черной душонки, – подходящая компания!

– Что вам угодно? – Бертье загородил дорогу юноше в пыльном черном рединготе, с зажатой в левой руке бумагой. – Если вы желаете подать прошение, обратитесь к дежурному адъютанту. – Он кивнул на Раппа.

– Я хочу говорить с Наполеоном, – произнес юноша с сильным немецким акцентом.

Он нехотя отступил назад, потом снова решительно шагнул вперед, повторив свою фразу; правую руку он держал в кармане. Рапп отстранил его за плечи.

– Вам нельзя быть здесь, – сказал он по-немецки, – отойдите. Если у вас есть просьба к императору, вас выслушают после парада.

Юноша взглянул ему прямо в глаза, и этот взгляд пронзил Раппа, точно кинжалом. В лице просителя читалась решимость человека, сжегшего за собой мосты. Генерал подозревал жандармского офицера:

– Арестуйте его и отведите в замок.

Юношу увели, Рапп вернулся на свое место, Наполеон ничего не заметил.

Парад продолжался; колонны маршировали по мелкому гравию, из-под колес артиллерийских лафетов взбивались облака пыли. К Раппу приблизился жандарм, шепнул ему что-то на ухо, тот вскинулся, переспросил, потом пошептался с Дюроком, и они вместе ушли, стараясь не привлекать внимания.

Юноша сидел на койке в комнате, отведенной под гауптвахту; на покрывале он разложил миниатюрный портрет молодой женщины, бумажник и кошелек. Жандарм показал Раппу огромный кухонный нож, который у арестованного нашли при обыске.

– Как ваше имя? – спросил Рапп по-немецки.

– Я могу сказать это только Наполеону.

– Что вы собирались сделать этим ножом?

– Я могу сказать это только Наполеону.

– Собирались ли вы использовать его для покушения на его жизнь?

– Да, сударь.

– Почему?

– Я могу сказать это только Наполеону.

Рапп вздохнул, но пошел доложить.

... Два жандарма доставили арестанта со связанными за спиной руками. Ни вид роскошного кабинета, ни присутствие императора как будто не произвели на него ни малейшего впечатления. Наполеон смотрел на него испытующе, Дюрок – с жалостью, Бернадот – с интересом.

– Знаете ли вы по-французски? – отрывисто спросил Наполеон.

– Очень мало.
– Генерал! – обратился император к Раппу. – Переводите ему мои вопросы!
Юноша наконец-то назвал свое имя: Фридрих Штапс.

– Откуда вы?
– Из Наумбурга.
– Кто ваш отец?
– Протестантский пастор.
– Сколько вам лет?
– Восемнадцать.
– Что вы хотели сделать вашим ножом?
– Убить вас.

Наполеону потребовалось всё его самообладание, чтобы не выказать волнения.

– Вы безумны, молодой человек, вы иллюминат.
– Я не безумен и не знаю, что такое «иллюминат».
– Так вы больны?
– Я не болен, я вполне здоров.
– Отчего же вы хотели убить меня?
– Потому что вы несете несчастье моему отечеству.

Фразёр!

– Сделал ли я что-либо дурное лично вам?

– Как и всем немцам.

– Кто вас послал? Кто толкнул вас на это преступление? – Хриплый голос Наполеона зазвучал громче.

Штапс оставался невозмутим, его юное худощавое лицо в обрамлении белокурых волос казалось бесстрастной маской.

– Никто; я глубоко убежден, что, убив вас, окажу величайшую услугу моему отечеству и Европе, эта уверенность и вложила мне в руки оружие.

Наполеону пришла в голову мысль, которую следовало проверить.

– Вы впервые видите меня?

– Я видел вас в Эрфурте.

– Вы и тогда хотели меня убить?

– Нет, я думал, что вы больше не станете воевать с Германией, я был одним из величайших почитателей ваших.

Был. Эти мотыльки, которые бездумно летели на свет его славы, волоча за собой республиканский триколор – Свобода, Равенство и Братство, – теперь отворачиваются от него и поднимают над головой обрывки знамен, которые раньше сами топтали ногами.

– Давно вы в Вене?

– Десять дней.

– Зачем же вы так долго ждали, прежде чем осуществить ваш план?

– Я приезжал в Шёнбрунн восемь дней назад с намерением убить вас, но парад уже закончился; я отложил исполнение моего плана до сегодняшнего дня.

И он говорит это так буднично! Сын пастора! А как же заповеди Господни?

– Вы безумец, говорю я вам, или же вы больны.

– Ни то, ни другое.

– Позовите Корвизара.

– Что такое Корвизар? – спросил Штапс у Раппа.

– Это врач, – ответил тот.

– Мне не нужен врач.

До прихода доктора все молчали. Как только он появился, Наполеон велел ему пощупать пульс молодого человека.

– Не правда ли, сударь, я вовсе не болен? – спросил его несостоявшийся убийца.

– Этот господин в добром здравии, – сообщил Корвизар, обращаясь к императору.

– Ну, что я вам говорил. – Штапс как будто повеселел.

Смущенный его уверенностью, Наполеон продолжил допрос.

– Вы фанатик, вы погубите свою семью, – сказал он с нажимом. – Я сохраню вам жизнь, если вы попросите прощения за преступление, которое хотели совершить и за которое вам должно быть стыдно.

– Мне не нужно прощение. Я глубоко сожалею, что не смог осуществить задуманного.

– Дьявол! – вырвалось у Наполеона. – Так преступление – для вас пустяк?

– Убить вас не преступление, это долг.

Нет, он точно иллюминат. Сейчас еще скажет, что ему было откровение и что сам Господь избрал его своим карающим орудием. Лучше не углубляться в эту область. Попробуем зайти с другой стороны.

– Чей это портрет при вас нашли?

– Юной особы, которую я люблю.

– Она будет очень опечалена тем, что с вами приключилось!

– Она будет опечалена тем, что я не преуспел, она ненавидит вас так же сильно, как и я.

– Но если я вас помилую, вы будете мне за это благодарны?

– Я всё равно вас убью.

Наполеон был ошарашен.

– Уведите его.

Отпустив Раппа и Дюрока, император остался наедине с Бернадотом. Чёрт, как нехорошо, что он присутствовал при допросе. Теперь гасконец развонит всем о заговоре, сложившемся против Наполеона в Германии, и парижские интриганы вновь поднимут голову, поникшую после очередной неудачи англичан. Сам по себе муж Дезире не опасен: он много болтает и мало делает, но его непокорность может послужить дурным примером для тех, кто работает не только языком. Недаром этот негодяй Фуше так перед ним расстилается.

– Почему вы отказались ехать в Италию? – строго спросил Наполеон. – Я сделал вас князем Понтекорво, извольте отправляться в ваше княжество и управлять им.

Одного лишь этого «извольте» было достаточно, чтобы Бернадот вспылил:

– Я готов отказаться от всех своих титулов и сложить с себя все обязанности, став обыкновенным гражданином, лишь бы никто не имел права мне указывать, где мне жить и что делать!

Ах, вот как. Наполеон почувствовал, что и в нём закипает гнев.

– Вы полагаете, что у простого гражданина нет никаких обязанностей? Что он вправе не исполнять свой долг перед императором? Так вы заблуждаетесь! Я слишком многое вам прощал, но и у меня есть обязанности перед моими подданными, перед солдатами, кровь которых пролилась напрасно по вашей вине!

– Из-за меня пролилась кровь? Из-за *меня*? Объяснитесь!

– Я не люблю припоминать прошлое: что сделано, то сделано, его уже не исправить, но вспомните Йену и Ауэрштедт! Даву пришлось сражаться одному, вы вообще не явились на сражение с вашим корпусом, чуть не порушив все мои планы; если бы вы были там, где вам было назначено, сражение вышло бы не таким кровавым!

– Я не явился?! Мне было назначено? Вспомните, что говорилось в ваших приказах, рассылаемых этим дураком Бертье! Вы сами не знали, где неприятель; вы отправили меня в Дорнбург, а потом спрашивали, отчего я не в Наумбурге! Вы не любите припоминать прошлое, чтобы не признавать своих ошибок; выставляете меня трусом и предателем, лишь бы никто

не усомнился в вашем полководческом гении! Но вы ничем не лучше иных ваших маршалов, и напрасно вы считаете себя незаменимым! Пока вы торчали здесь, *проливая кровь* наших солдат, чтобы потешить свое самолюбие, Франция, которую вы оставили без всякой защиты, сумела защитить себя сама!

Ну конечно, теперь он будет похвастаться своими подвигами под Антверпеном!

Нет, как вам это понравится: *он* оставил Францию без защиты! Страну погубят предатели и лицемеры! Если бы генерал Брюс не сдал без боя крепость Батц, англичане не оказались бы через три дня после высадки на Валхерене в пятнадцати верстах от Антверпена, приставив пистолет к груди Франции. Генерал Монне, испугавшись бомбардировки, не только отдал англичанам неприступный Флиссенген вместе со всем провиантом, боеприпасами и четырьмя тысячами пленных, но и не разрушил дамбы, как ему было велено. (Наполеон приказал его казнить, но, увы, это можно было сделать только на бумаге.) Зато ненависть, зависть и честолюбие снесли преграду осторожности и выплеснулись наружу. Брат Луи, которого Наполеон сделал королем Голландии, объявил о создании новой армии для обороны Антверпена, отметив, что она будет мощнее, чем та, «отсутствие которой предоставило неприятелю случай овладеть островом Валхерен, тогда как это несчастье можно было предвидеть с момента выступления национальной армии в заграничный поход». И это говорит Луи, отказавшийся призвать в армию сорок тысяч человек, потому что в стране с населением два миллиона это невозможно! Фуше, совмещавший обязанности министра полиции и внутренних дел, в десять дней перебросил в устье Шельды тридцать пять тысяч национальных гвардейцев. «Докажем Европе, что, хотя гений Наполеона способен придать Франции блеск, для отражения врага его присутствие необязательно», – написал он в циркулярном письме о мобилизации, обращенном к префектам. Мерзавец Талейран, которому место в Венсенском замке, а не в особняке на улице Сен-Флорантен, открыто говорил, что недругам императора пора выйти на первый план, «если мы не хотим, чтобы во Франции остались одни мамлюки и поляки».

Фуше намеренно преувеличивал опасность, чтобы выставить себя спасителем нации. На самом деле англичанам грозила не наспех вооруженная толпа городской стражи, а зловещий климат Валхерена с его болотами. Пока лорд Чатем терял время на трехдневную церемонию капитуляции и совещания с другими военачальниками, пока он медленно продвигался вперед вслед за длинным обозом, в котором везли даже живую черепаху на суп для ужина, среди его войск стремительно распространялись малярия и тиф, так что осада Антверпена сделалась невозможной. Оставив во Флиссенгене гарнизон, который таял на глазах, англичане погрузились на суда и отправились восвояси. В это время князь Понтекорво расписывал императору свои неусыпные заботы по превращению ополчения в боеспособные войска. Фуше прислал ему еще восемьдесят тысяч новобранцев; встревоженный военный министр Кларк предупредил об этом императора. Наполеон принял меры: за Бернадотом присматривали генерал Келлерман, маршалы Монсей и Бесьер, стоявшие в Пикардии. Однако этот противоречивый человек умел остановиться на краю пропасти, не дав обидам или тщеславию толкнуть себя туда. Идеи манили его, но их осуществление отталкивало. Не стоит осыпать его упреками, поступим иначе.

– Франция не защитила бы себя сама, если бы вы не исполнили свой долг перед ней! – сказал Наполеон.

Бернадот осекся, не ожидав такого поворота.

– Поверьте, я высоко ценю ваши заслуги, вашу храбрость, решительность и принципиальность, – продолжал император. – Именно поэтому я и хочу предложить вам употребить все эти качества, став губернатором Рима. Не отказывайтесь сразу! Подумайте. Кстати, к этой должности прилагается доход в два миллиона в год.

Отпустив князя Понтекорво, Наполеон занялся текущими делами. И всё же, работая секретарем, он постоянно возвращался мыслями к утреннему происшествию. Какое лицо у

этого юноши! Нет, за ним точно стоят иллюминаты или какое-нибудь другое тайное общество. При императоре Павле и Фридрихе-Вильгельме II они ушли в подполье, а при их сыновьях вновь подняли голову. Король Вюртембергский с супругой – тоже иллюминаты. И в Петербурге они пользуются авторитетом: отчаявшись найти справедливость на земле, недовольные вельможи обращают взоры к небу и слушают с почтением сибирских старцев, смотрят в рот графу Грабянке и рассказывают про него чудеса. Сам император Александр ездил к скопцу, называющему себя Спасителем! Один из убийц Густава III, шведского короля, состоял в обществе Грабянки! Между тем его «Новый Израиль» собирался в покоях цесаревича Константина. А уж все эти Тугендбунды, Гезельшафты и Дойчебунды, созданные масонами, – в их рядах не только студенты-идеалисты, начитавшиеся Шиллера, но и офицеры, и высшие чиновники... Штапс сказал, что таких, как он, много. А вдруг кто-нибудь еще в этот же час бродит поблизости с кинжалом? Надо будет получше расспросить этого пасторского сына.

Вечером Наполеон вызвал дежурного адъютанта.

– Вы знаете, сегодняшнее происшествие необычайно. Тут не обошлось без происков Берлина и Веймара.

Император вспомнил портрет, найденный у Штапса, и его слова о своей возлюбленной. Женщины! Они либо боготворят Наполеона, как милая Мари, либо ненавидят. Две Луизы – прусская королева и великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская – из числа последних.

– Ни мужчины, ни женщины при этих дворах не составили бы такого жестокого плана, – стал разубеждать его Рапп.

Наполеон хмыкнул.

– Вспомните эту историю с Шиллем.

– Она не имеет ничего общего с подобным злодейством.

Это верно: Фердинанд фон Шилье тоже считал себя избранным судьбой для спасения отечества, однако он не попытался бы пырнуть Наполеона кухонным ножом. Этот прусский лейтенант, дважды раненный в голову при Ауэрштедте и носивший шрам на лбу, точно награду, состоял в Тугендбунде – «Лиге добродетели», поставившей себе целью возродить Пруссию через поддержание немецкого национального духа. Как оказалось, этот дух был еще силен; когда открылась война с Австрией, тут и там начались волнения: в Вестфалии, в Ганновере, в Тироле... Шилье, ставший к тому времени майором, увел свой гусарский полк из Берлина к Эльбе без согласия короля, но не успел к Регенбургскому сражению. Тогда он решил вести партизанскую войну, а в случае неудачи укрыться в Англии.

В Вестфалии он рассеял войска, отправленные против него Жеромом⁵, и реквизировал провиант для своей маленькой армии. Жером назначил за его голову награду в десять тысяч талеров; генерал Мишо разбил его под Магдебургом, но Шилье ускользнул в Мекленбург, заняв Висмар, а оттуда ушел в Померанию. Когда он собирался переправиться на остров Рюген, его настигли голландские войска, спешно собранные в Ганновере генералом Грасьеном и усиленные датским корпусом, который привел из Голштинии генерал Эвальд. Штральзунд Шиллю удержать не удалось. Истекая кровью от ран, он попросил солдата добить его; его отрубленную и заспиртованную голову прислали в подарок Жерому. Офицера-шведа, сражавшегося вместе с Шиллем, расстреляли в Штральзунде, одиннадцать немцев – в Везеле, остальных посадили в крепость или сослали на галеры. Прусский король велел предать имя Шилля, объявленного изменником отечества, позору и забвению, но в Германии распространяют его портреты...

– Что бы вы ни говорили, генерал, меня не любят ни в Берлине, ни в Веймаре, – вздохнул Наполеон.

– В этом я не сомневаюсь, сир, но не любить – одно, а убивать – другое.

⁵ Жером (Иероним) Бонапарт, младший брат Наполеона, для которого император специально создал королевство Вестфалия.

– И всё же напишите генералу Лауэру: пусть расспросит хорошенько этого Штапса.

В восемь часов у задней калитки, выходящей на Липовую аллею, остановилась карета, прибывшая из Мёдлинга. Лицо Наполеона просветлело: Мари!..

10

Георг со стоном обхватил голову руками, взъерошив пальцами жидкие волосы. Он даже представить себе не мог, что дела настолько запущены. Отчетности не велось никакой, о чём ни спросишь – положительных сведений нет, ни от кого толку не добьешься! Каковы городские доходы? Каким образом взимаются повинности натурой и деньгами? По каким правилам их раскладывают? В Тверской городской думе не имеют ни малейшего понятия о величине годовых расходов на содержание полиции, съезжих дворов, пожарных команд, ночных сторожей, на ремонт мостов и перевозов через Волгу, Тверцу и Тьмаку, не говоря уж про приходские училища, богадельни и лазарет. В ответ на его запросы посыпались пустые отписки, составленные к тому же таким казенным языком, что принц Ольденбургский не мог уразуметь смысла даже извлечений из них, сделанных старательным секретарем. Он занимается сегодня всего два часа, а голова уже трещит, как спелый арбуз!

– Ка-тень-ка! – позвал Георг.

– Я здесь, Жорж! – отозвался веселый звонкий голос из соседней комнаты, где Екатерина Павловна устроила свой кабинет; его дверь всегда была полуоткрыта.

Через минуту явилась она сама – в утреннем платье абрикосового цвета, с карандашом в руке.

– Замучили тебя, бедного?

Она поцеловала мужа в лоб.

– Один пишет одно, другой – полностью противоположное, – пожаловался ей Георг. – Как понять, кто правду говорит, а кто обманывает?

– Я давно говорила брату, что в России нужно ввести судебные поединки: это единственный способ покончить с криводушием, но он и слушать не хочет. Даже дуэли запретил. Однако господа офицеры всё равно стреляются из-за вопросов чести. У нас в России, Жорж, любой несправедливый закон исправляется его неисполнением.

Она говорила полусерьезно-полушутя; ее жизнерадостность оказалась заразительной. Георг повеселел и нежно поцеловал ей руку.

В дверь постучали, вошел лакей:

– Господин Лубяновский с докладом! – объявил он.

Статс-секретарь принца Ольденбургского, молодой человек лет тридцати с небольшим, невзрачной наружности, с мелкими чертами лица и бесстрастным взглядом, почтительно поклонился великой княгине и принцу и положил на краешек стола стопку бумаг, подготовленных для подписания: он заведовал письмоводством в обеих экспедициях, над которыми начальствовал принц, – водяных и сухопутных сообщений, а кроме того, был управляющим его делами как генерал-губернатора. Выслушав его краткие пояснения, Георг подписал все бумаги, а затем достал папку из ящика стола.

– Я прочел вашу записку и согласен с нею.

Лубяновский поклонился.

– Изготовьте представление его императорскому величеству о необходимости учредить Комитет о благоустройстве Твери из дворянских депутатов, купцов и домовладельцев по выбору общества.

– Слушаюсь.

– И вот еще что: выпишите из Москвы землемера для обследования пустошей и выгонов. Мне кажется весьма дельным предложение купца Зубчанинова сдавать их на содержание с публичных торгов.

– Будет исполнено.

Собрав бумаги, Лубяновский ждал повеления удалиться.

– Скажите, Федор Петрович, – обратилась к нему вдруг Екатерина Павловна, – какого вы мнения о князе Куракине? Он ведь был вашим начальником?

– Точно так-с. Отменно хороший начальник князь Алексей Борисович, хотя и требовательный: кого отличал, так того и заставлял работать допоздна. Бывало, я возвращался от него не раньше четырех-пяти часов пополуночи.

– Он ведь масон, как и брат его?

– Н-не могу вам этого сказать наверное, слухов же передавать не имею желания.

Лубяновский, как огня, боялся темы тайных обществ, чудом избегнув совсем недавно большой беды. Вздумав нажиться на повальном увлечении мистиками, он взялся переводить с немецкого «Тоску по отчизне» Генриха Штиллинга – бедного вестфальского угольщика-самоучки, сделавшегося духовидцем и профессором в Гейдельберге под покровительством герцога Баденского, который был родным дедом императрицы Елизаветы Алексеевны. В светских гостиных, где принимали Лубяновского, только и было разговору, что об «Угрозе Световостокове» (так Лабзин вздумал передать на русском *der graue Mann* – «серый (или седой) человек»), о пророчествах Апокалипсиса, осуществление коих Штилинг видел в событиях французской революции, и о критике им либеральных идей, завлекших Францию на край сей пропасти. Книжки об «Угрозе» шли нарасхват, «серый человек» фигурировал и в «Тоске по отчизне» – главном произведении Штиллинга, так почему бы и Лубяновскому не поставить на верную карту? Он принялся за работу; книга, насыщенная масонскими аллегориями, давалась ему тяжело, однако он работал упорно, и к концу 1807 года первые две части вышли из цензуры и из печати, следующие приготавливались. Взяв из типографии сто экземпляров, Лубяновский вздумал для пробы распространить их в своей экспедиции – всё разобрали мгновенно. Успех! И вдруг – гром среди ясного неба: Лубяновскому объявили монаршее негодование за перевод и издание опасной книги, сказав даже, что ему место в Якутске! Что за притча? Из разговора с сенатором Новосильцевым Лубяновский уразумел, что сам государь книги не читал, а знал о ней с чужих слов. «Серый человек» у Штиллинга ходит в сером кафтане, вид имеет грозный, хотя и приятный, – уж не углядел ли здесь его величество каких-либо намеков на Бонапарта и его серый редингот? А «препоручение от Царя всех Царей описывать всякий запрещенный товар в царствии Божиим»? Не есть ли сие кощунственный намек на блокаду Англии? Но ведь это всё аллегория: серый кафтан – цвет старости и смерти, грозный и невеселый вид «серого человека» (сиречь совести, заключенной в душе каждого смертного) имеет своей причиной грехи человеческие, ибо Угроз Богданович Световостоков происходит от Бога и имеет своим отечеством вечный Восток! В пятой, самой последней, части автор приводит ключ ко всему роману! Новосильцев согласился с тем, что в книге нет ничего безнравственного, однако отказался сообщить об этом государю. Министр внутренних дел граф Кочубей, прежний начальник Лубяновского, собирался подать в отставку и опасался ненужного скандала; он посоветовал Федору пропасть года на три-четыре, пока в столице не забудут, как и звать его. Лубяновский поклялся дворянской честью сжечь неопубликованную рукопись, а весь не разобранный тираж оставить в типографии; ему всемилостивейше позволили исполнить свое слово, сделав при этом строгое внушение впредь остерегаться, и Федор исполнил всё буквально, радуясь, что дешево отделался – могли ведь и в Сибирь закатать! Беспокоило его лишь то, что он остался на подозрении. К счастью, благодетель его, граф Салтыков, в прошлом наставник императора, заступился за незадачливого литератора, поручившись за него, как за своих детей, и мало того что смягчил сердце государя, так еще и выпросил для Лубяновского Анну на шею с алмазами. На прошлые именины его пожаловали в действительные статские советники; в назначении своем в Тверь, к малому двору, он видел не опалу, а высокую перспективу, однако нужно было держаться настороже и уж в другой раз не ступить на скользкий путь.

– Ну а что вы скажете о его протеже – господине Сперанском? – не отставала Екатерина Павловна. – Вы как будто дружны с ним?

– О, утверждать так – значило бы погрешить против истины: мы довольно много переписывались по службе, но встречались только мимоходом. Михайла Михайлович – человек редкого ума и в науке письмоводства ему нет равных.

– Да, но что он за человек?

– Прекрасно владеет собой. Лицо его всегда спокойно, речь ровна и увлекательна. Он готов как отразить противоречие, так и переждать или совсем уступить – смотря что почтет за нужное. Господин Сперанский наделен редкостным богатством мыслей: непрерывное чтение доставляет ему самые разнородные сведения, счастливая память их удерживает, а разборчивый рассудок и пылкое воображение позволяют быстро скользить от старого к новому. Особенно замечательным мне кажется то, что он способен по одному намеку угадать чужую мысль во всей ее полноте и привить свою мысль другому, так что тот будет почитать ее за свою собственную.

– Я так и думала: скрытный лицемер и коварный иезуит.

В водянисто-серых глазах Лубяновского на мгновение промелькнул испуг, даже принц был озадачен столь нелестной характеристикой.

– Ну что ты, Катенька! По-моему, ты несправедлива. Все, говорившие с господином Сперанским хотя бы несколько минут, отмечают его ум и дарования.

– Что с того? Кому он служит своим умом? Уж точно не государю, ведь при своем уме, о котором столько разговоров, он бы должен понимать, что указом об экзаменах подложил ему настоящую свинью. У вас, Федор Петрович, все хороши; вы, видно, тоже себе на уме.

– Помилуйте...

– Довольно, ступайте.

Лубяновский откланялся и вышел.

Напомнив мужу о бале-маскараде, который она собирается устроить в Покров день, Екатерина Павловна ушла обратно в свой кабинет, а принц Георг продолжил свои занятия.

Недавно он вернулся из Вышнего Волочка – осматривал Гагаринский канал между Тверцой и Цной, где застряли две с половиной тысячи плоскодонок, сорок три из них перевернулись на Боровицких порогах. И это водный путь из Твери в Петербург! Канал был открыт ровно сто лет тому назад и с тех пор, похоже, не чистился; от бечевника (дороги вдоль берега для лошадей, тянувших барки на бечеве) не осталось и следа... Похоже, Тверь сто лет ждала назначения в генерал-губернаторы царского родственника. Георг принялся диктовать секретарю письмо к государю о необходимости великих усилий для безотлагательного устройства Тверецкого бечевника.

Устроившись за столом, великая княгиня взялась было за начатый рисунок, но задумалась и отложила карандаш. Ее мысли унеслись далеко от Волги и Тверцы – на берега Дуная, где ей, возможно, никогда не побывать. Там воевал сейчас князь Багратион, недавно награжденный орденом Св. Андрея Первозванного. Измаил был взят, но Силистрия намеревалась серьезно обороняться, а это значило, что скорой победы ждать не стоит, князь может застрять там на всю зиму. Осадные орудия подвезли не сразу, в войсках начались простудные горячки и понос, как всегда бывает летом в Валахии, где дни жарки, а ночи холодны по-зимнему, солдаты же отправляют в караул в летних панталонах. И с генералом Милорадовичем князь Петр, похоже, снова в ссоре... Ах, этот Милорадович! Он, безусловно, храбрый человек, но в нём нет того твердого стержня, который делает мужчину рыцарем без страха и упрека. Спина его довольно гибкая; да всем известно, что до вершин легче добраться ползком... А князь Пётр – прямой и честный; его непоклонная голова всегда попадет на глаза, когда надобно найти кого-нибудь для трудного поручения или сыскать виноватого... И она, Екатерина, теперь никак не сможет ему помочь! Александр всегда слушает того, кто говорил с ним последним. Они с братом, разумеется, часто переписываются, но что такое письмо по сравнению с личной встречей! Брат окружен наушниками, льстецами и завистниками. После свадьбы он недвусмысленно предупредил ее, чтобы отныне она вела себя особенно осторожно. Багратион уже полгода не

писал к ней. Поздравление на случай бракосочетания Екатерины Павловны он отправил вдовствующей императрице, прося «простить великодушно такую смелость доброму солдату, коего сердце более чувствует, нежели перо когда-нибудь выразить может». Но что же делать? Он женат, она теперь тоже замужем. Ничего, нужно запастись терпением. Всё в руке Божией; дайте только срок, и дружба утрет слезы, вызванные на глаза любовью...

11

Рыцарский шлем, увенчанный императорской короной, был водружен на переливавшийся сапфиром щит с золотой каймой, в центре которого гордо восседал готовый взлететь орел с молниями в лапах. С щита свисал пятиконечный крест ордена Почетного легиона с профилем императора посередине, его обрамляли два рога изобилия, наполненные сочными плодами, и всё это вместе обнимала кроваво-красная императорская мантия, усеянная золотыми пчелами, с горностаевым подбоем, из-за которой высывались жерла пушек, секиры, якорь и лавровые ветви. Наполеон не уставал любоваться этой шелковой портьерой, искусно изготовленной на фабрике Гобеленов и составлявшей пару с другой – с гербом королевства Италия, железную корону которого он тоже возложил себе на голову. Обосновавшись в Тюильри еще консулом, Бонапарт сразу занял апартаменты во втором этаже, выходящие на парадный двор. Теперь в бывших покоях Людовика XVI, короля-пленника, всё сверкало позолотой, пурпуром и хрусталем, бряцало оружием и литаврами – как при Людовике Великом.

Однако любоваться некогда, надо заниматься делами. Неслучайно он избрал своим символом пчёл. На письменном столе стопками разложены бумаги: важные письма, менее важные письма, депеши из-за границы, рапорты, донесения, прошения... Император просмотрел одну из бумаг и принялся диктовать секретарю:

– Евгению Наполеону, вице-королю Италии, в Милан. Сын мой, я получил ваше письмо от 15 ноября. Я рад, что вы прибыли в Милан. Вы написали сочинение о вашем итальянском походе, прошу вас прислать его мне. Я нашел финансовые дела здесь в большом беспорядке. Экспедиция англичан обошлась мне в 50 миллионов. Новые рекрутские наборы и огромные расходы на вооружение для Испании продолжают разорять меня. Вы понимаете, что я никак не могу облегчить бремени королевству Италия. Посылаю вам свое решение на полях вашего рапорта об Иллирийских провинциях...

Мир с Австрией был подписан только четырнадцатого октября, через три месяца после заключения перемирия. Император Франц обязался выплатить Франции контрибуцию в восемьдесят пять миллионов франков, но когда еще эти деньги будут получены... Иллирийские провинции, то есть Далмацию, Наполеон собирался присоединить к Италии, лишив Австрию выхода к Адриатике; поляки получили Западную Галицию с Краковом и Люблином; границу между Австрией и Варшавским герцогством провели по реке Сан от Замостья до ее впадения в Вислу, предоставив соляные копи Велички в совместное пользование. Императору Александру пришлось удовольствоваться краешком Восточной Галиции с четырьмя сотнями тысяч душ (почти вчетверо меньше, чем отошло к полякам), и он остался этим недоволен, однако объявил в своем рескрипте, что все мечты о политической революции в Польше умерли и нынешний порядок вещей сохранится навечно. Ах, разве на свете есть что-то вечное? И разве можно предвидеть будущее?

Наполеон вспомнил день своего отъезда из Шёнбрунна, сразу после подписания договора. Это было воскресенье; в пять утра они с Раппом пошли смотреть, как гвардия уходит во Францию. Занимался ясный рассвет, и вдруг полил дождь, заставив их спрятаться под крышу. В то утро расстреляли молодого немца, который хотел его убить, – Фридриха Штапса. Генерал Лауэр написал подробный рапорт. Штапс с четверга отказывался от еды, говоря, что ему хватит сил дойти до места казни. Когда ему объявили о заключении мира, он вздрогнул. Но всё равно выкрикнул перед казнью: «Да здравствует свобода! Да здравствует Германия! Смерть тирану!» Наполеон Бонапарт, принеся в Европу свободу, отменив средневековые пережитки, – тиран... В Штутгарте, где он остановился по дороге в Париж, в королевском саду работали каторжники в цепях. Вюртембергский король пояснил, что это по большей части мятежники из новых владений императора...

Больше всего мятежников, конечно, в Испании, которую он давно бы усмирил, если бы не военная помощь англичан. А тут еще Сульт с Неем окончательно разругались... Нея пришлось отозвать во Францию и заменить генералом Маршаном. В начале октября испанцы начали наступление на Мадрид, в то время как другая их армия разбила корпус Маршана под Саламанкой. Конечно, у герцога Дель-Парко было вдвое больше людей, да и загоревшиеся кусты, к которым оказался прижат правый фланг французов, сильно осложнили положение, но армия императора не имела права терпеть поражение! Жозеф отстранил Маршана от командования. Опять придется ехать туда – исправлять чужие ошибки...

Наполеон продиктовал письмо военному министру:

– Господин генерал Кларк, созовите совет моей Гвардии, чтобы привести в порядок ее финансы и подготовить к Испанскому походу. Я намерен пойти в Испанию с четырьмя полками рекрутов, имея по выходе из Парижа не менее 6000 человек налицо, не считая тех, что в госпиталях; с четырьмя полками стрелков такого же состава, с двумя полками фузилёров (3000 человек), двумя полками старой Гвардии (3000 человек), с 5000 кавалерии и 60 полевыми орудиями, в общей сложности около 25 000 человек. У Гвардии должны быть свои хирурги, свои снабженцы, свои денежные ящики, свои полевые кузницы – в общем, всё необходимое. Я хочу, чтобы она была готова выступить к 15 января. Наполеон.

Чёрт бы побрал этих англичан! Они давно бы сдохли от голода на своем острове, если бы в континентальной блокаде не оказалось столько щелей! Но даже Луи, родной брат Наполеона, не спешит прикрывать лазейки для контрабанды, чтобы не разорить окончательно своих голландских подданных, вынужденных покупать дорогие французские товары и платить высокие экспортные пошлины. Как будто Франция ничуть не пострадала! Лён пока еще не вытеснил хлопок, а сахар из сахарной свеклы – тростниковый; Ла-Рошель, Нант, Бордо, Марсель пришли в упадок из-за сокращения торговли, в то время как коварный Альбион, закупая корабельный лес в Канаде, чуть ли не вдвое увеличил свой флот и наживался на войне, продавая пушки, оружие и мундирное сукно, вместо того чтобы страдать от нее. Министр финансов Спенсер Персеваль умудрялся сводить концы с концами, не повышая налогов, – за счет займов под разумные проценты и мер экономии, так что даже несчастная высадка на Валхерен не опустошила британскую казну. Рост цен на продовольствие всё же вызвал кое-где беспорядки, однако производство подтянулось вслед за ценами, так что, похоже, дурной урожай нынешнего года не слишком испугал Георга III. Англичане настолько обнаглели, что свободно являются в закрытые для них порты, вывесив американский флаг!

Взяв новый лист бумаги, секретарь строчил записку к министру иностранных дел Шампаньи:

– Господин герцог Кадорский, напишите в Голландию, что я не разрешал ни одному американскому судну, груженному хлопком, прибывать во Францию. Все мои порты закрыты для «американских судов».

Хотя лучше будет поговорить об этом с Луи самому.

– Пишите: «Людовику Наполеону, королю Голландии, в Амстердам. Я получил ваше письмо, в котором вы сообщаете о своем желании видеть меня. Вы вольны приехать в Париж».

Стоит ослабить хватку – и те, кого ты держал в кулаке, тотчас заезжают, стараясь высвободиться. Тиран? Деспот? А как иначе, если люди уважают только силу?

– Иоахиму Наполеону, королю Двух Сицилий⁶, в Рим. Я получил ваше письмо от 16 ноября. Я удивлен и возмущен тем, что кардиналы к вам не явились. Прикажите им покинуть Рим и отправиться в Париж в двадцать четыре часа после получения приказа. Вдвойне непροститительно, что они не явились по вашему приезду в Рим для выражения своего почтения королю, к тому же правящему от моего имени. Вы скажете, что я намерен устроить в Риме

⁶ Маршал Иоахим Мюрат, супруг сестры Наполеона, Каролины.

двор, который будет более блестящим и станет тратить еще больше денег, чем папский. Полагаю, я писал вам, что вы вольны приехать в Париж вместе с королевой, когда пожелаете и когда вам позволят дела.

Кардиналов надо держать в узде, пусть ходят по струнке, чтобы все видели, что император Наполеон – покровитель религии. Когда он разведется с Жозефиной, ему нужно будет вступить в новый брак, и тут всё должно пройти без сучка без задоринки. Вся надежда на дядю – кардинала Феска, возглавившего Комитет епископов по рассмотрению конфликта с папой римским, отлучившим Наполеона от Церкви. Кстати!

– Господин герцог Кадорский, вы напишете герцогу Виченцы,⁷ чтобы он в разговорах с императором Александром упомянул о моем сильнейшем желании вступить в брак с великой княжной Анной...

* * *

В камине горел огонь, токайское сияло янтарем в хрустальных бокалах.

– Ни с чем не сравнимый вкус и аромат, вы согласны со мной? – спросил Клеменс фон Меттерних Александра де Лаборда, когда они оба воздали должное напитку богов. – Плоды, рожденные землей нашего отечества, – вот что делает нас патриотами, не так ли?

⁷ Титул, который носил Арман де Коленкур, – французский посланник в Санкт-Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.